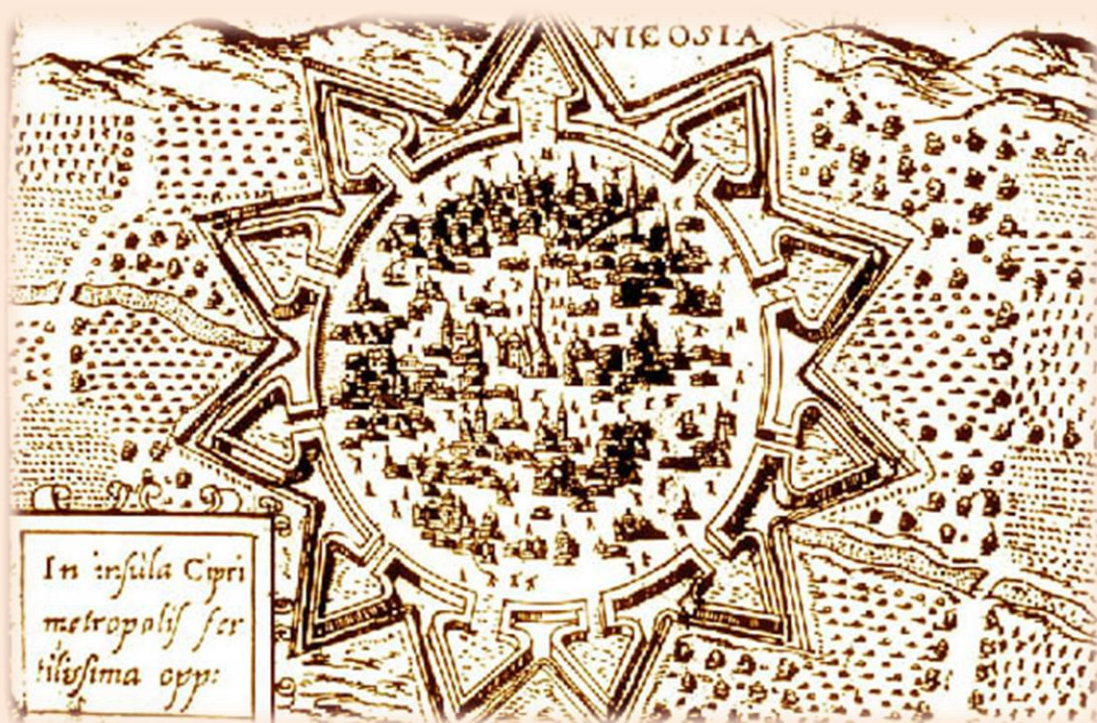

Наталия Зыкова

ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ ЛЕФКОСИИ

Кипр

Ларнака

2018

Наталия Зыкова

«Золотой венец Лефкосии» Из цикла «Святая кипрская земля»

Издательство Русского православного образовательного центра

Кипр Ларнака 2018

ISBN 978-9925-7498-0-5

Все права защищены. Полное или частичное копирование материалов книги «Золотой венец Лефкосии» запрещено, при согласованном использовании материалов необходима активная ссылка на ресурс. Согласование использования материалов производится с автором

Золотой венец Лефкосии

Документальная повесть

От автора.

Появлением этой повести автор обязана трудам епископа Григория Месаорийского, которые и мотивировали меня на написание книги. Его высокопреосвященство возглавляет Паломнический отдел Синода Кипрской Православной Церкви, и он всегда уделяет внимание и оказывает поддержку работе Русского православного образовательного центра (РПОЦ). Под редакцией епископа вышел в свет краткий путеводитель по старинным храмам столицы Кипра. Он и стал той путеводной нитью, которая привела нас к идее написать повесть. Мы весьма признательны также клиру и мирянам древних церквей, о которых здесь ведется повествование. Посещая древние храмы столицы Кипра, мы всегда встречали готовность помочь, нам давались необходимые пояснения. Мы благодарим наших кипрских друзей и

единомышленников. Особенная наша признательность иеромонаху монастыря Махера Софронию за весьма полезные консультации. Наконец, благодарю и моего супруга, руководителя паломнического отдела РПОЦ Валерия Зыкова, бессменного редактора моих книг. Повесть «Золотой венец Лефкосии» - не путеводитель в строгом понимании этого слова. Скорее это приглашение к паломничеству, которое автор с большой радостью поможет совершить тем русскоязычным читателям, кому дороги духовные сокровища святой Кипрской земли.

Прикосновение русской души

Издательство Русского православного образовательного центра на Кипре предлагает вниманию читателей новую книгу кипрской писательницы русского происхождения Наталии Зыковой «Золотой венец Лефкосии». Это документальная повесть, посвященная древним православным святыням столицы Кипра. Повесть написана на основании исследований кипрских и европейских ученых, архивных документов Кипрской Православной Церкви. Писательница повествует о значимых исторических событиях и о выдающихся исторических и церковных деятелях Кипра: православной королеве Елене Палеологине, национальном мученике архиепископе Киприане, первом президенте Республике Кипр архиепископе Макарии III. В повести прослеживаются девять веков духовных связей народов Кипра и России на примере известного исследователя Кипра, путешественника и просветителя Василия Григоровича-Барского.

Заслуживает интереса творческий метод писательницы. Она предлагает читателям посетить девять православных храмов столицы Кипра, которые находятся в самом сердце города и окружены старинной крепостной стеной. Рассказывая об истории православных святынь, Зыкова воссоздает события различных исторических эпох. Действие разворачивается на Кипре, читатель переносится в Иерусалим и раннехристианский Египет, в средневековую Францию и в Россию петровского времени. Автор, будучи историком, опирается в своем повествовании на достоверные источники, строгие научные факты. Но за строкой документа мы ощущаем присутствие писательницы, ее отношение к событиям и героям повести. Писательница всем сердцем любит Кипр и хорошо знает его историю. Повествуя об испытаниях и духовных исканиях братского кипрского народа, о его культурных достижениях, автор не скрывает своего восхищения духовной стойкостью и мужеством маленького народа с драматичной судьбой. С полным правом можно назвать новую работу Наталии Зыковой «Прикосновением русской души к кипрским святыням».

Глава первая.

Одигитрия Явленная.

Лефкосия-Лефкоша-Никосия.

Раннее весеннее утро. Центр Никосии пустынен и тих. Еще нет прохожих. Там, где сейчас две улочки – Гермеса и Пафоса - вьются по тихому пространству утра, когда-то начинало биться сердце этого загадочного города. И стоял он на берегу полноводной реки Подиос, что значит «река долины». Город окутан воспоминаниями, украшен легендами, и только молчаливые камни свидетельствуют о прошедших веках. На берегу исчезнувшей реки я жду открытия храма Богородицы Фанеромени и вслушиваюсь в эхо минувшего. Сквозь пелену столетий всматриваюсь в силуэт города, увенчанного золотым венцом удивительных храмов. В памяти оживает рассказ человека, мною глубоко уважаемого, который покинул этот мир, но оставил свои прекрасные рассказы о любимом Кипре. Вот, что много лет назад поведала мне Галатия Савваки, известная общественная деятельница, талантливый экскурсовод:

-А город назывался Лефкотеон. Имя дали в честь Лефкона, сына правителя державы Птолемеев Сотера. И до сих пор имя маленького царевича звучит в названии нашей столицы. А турки переименовали имя, назвали наш город Лефкошей...

-Но почему же Никосия? - спрашиваю я и с интересом слушаю объяснение:

-Латиняне пришли в 12 веке. По-гречески они не читали, да и по латински-то читали не все. Первую букву лямбда (Λ) в названии города посчитали недописанной латинской буквой (N). Так и прочитали «Невкосия». И не поняли, что это за название такое. То ли дело «Никосия», созвучно с именем Ники, мифической богини победы. Так и стали город на картах и в документах обозначать. А мы, киприоты, стоим на своем: Лефкосия.

Они всегда стояли и стоят на своем, дети своего маленького народа, жители острова, который словно кораблик плывет по волнам Средиземного моря и по векам своей удивительной истории. Сколько же их было – не счесть, ведь кипрской цивилизации девять тысяч лет. История Кипра - яркая многоцветная Книга, страницы которой наполнены событиями интересными, увлекательными, часто трагичными. И мы начинаем рассказ о некоторых из них. Но почему я назвала свой рассказ «Золотой венец Лефкосии»? Венец – это корона, знак царского рода, принадлежность к царскому достоинству. У Лефкосии принадлежность не к земному владыке, но к Царю Небесному явлена в удивительных храмах. В драгоценном венце сияют они, храмы Богородицы Хрисалиниотиссы, Богородицы

Фанеромени, Честного Животворящего Креста Миссирики, святых Антония, Саввы, Кассиана, архангела Михаила. И неспешно мы отправимся в путь, чтобы рассказать о них, и о городе, который их сохранил на своих древних улочках. Начнем, благословясь...

Разговор в диване.

В то утро правитель Кипра вали-бей Кючук-Мехмет был в дурном расположении духа. Он сидел в диване (комнате для совещаний) на низкой софе, хмуро поглядывая по сторонам. Слуги забились по углам. Все ждали грозы. Вали приказал призвать агу (административный и военный начальник турецкой администрации) Лефкоши и задал странный вопрос:

-Скажи-ка мне, ага, какая церковь неверных самая большая в пределах Лефкоши?

-Церковь Фанеромени, достопочтенный вали-бей, - ответил ага, склоняясь в низком поклоне.

-И что нам про эту церковь известно?

-Она очень древняя. Построена при франках на месте, где неверные нашли икону матери христианского пророка Иссы (они, неразумные, его называют богом Христом) Мариам. На их языке «фанеромени» значит «явленная»

- А почему самый большой храм неверных Фанеромени до сих пор не перестроен в мечеть?

-Светлейший вали-бей,- подобострастно отвечал ага,- мы на Кипре уже двести сорок лет, и во славу Аллаха над Лефкошей вознеслись к небу прекрасные минареты. Пять раз в день муэдзины призывают верных мусульман к молитве ...

Судя по раздраженному лицу правителя можно было понять: цветистая речь аги не была ему по нраву.

-Ну, а дальше-то что,- перебил Кючук -Мехмет говорившего,- эта церковь Фанеромени до сих пор не стала мечетью, царица русских указ прислала, скоро еще и колокольню неверные поставят, и зазвонят колокола. Что так нерешительно действуете, кого боитесь?

Ага замялся, но сказал:

-Светлейший вали-бей, ведь мы эту церковь закрывали, и имамов посылали, да только...

-Ну? – нетерпеливо произнес Кючук-Мехмет

-Только имамы умирали.

-Неужели все?

-Все до одного.

-Ступай,- махнув рукой, произнес вали уже не сердито, а как-то подавленно.

Правитель погрузился в размышления. Воспоминания подступили... Он давно знал, что в церкви Фанеромени есть икона Матери христианского Бога Мариам. В тот год не выпали зимние дожди, страшная засуха поразила Кипр. Земля потрескалась от зноя, реки высохли и в

Троодосских горах падали огромные деревья, корни которых тщетно пытались добраться до водоносных слоев. Вот тогда греки и устроили шествие с иконой вокруг храма. Он проезжал мимо в тот час и увидел это странное шествие, увидел и икону. Мариам была на иконе строгой, смотрела на него, правителя, с укоризной. И стало ему не по себе от этого взгляда. Вскоре пошли дожди. Это еще больше вызвало раздражение правителя. Тогда он подумал, что надо бы христиан из храма выгнать, пристроить минареты, обустроить мечеть и будет мусульманам хорошее место для молитвы. Он сказал аге о таком своем желании. Да вот проконтролировать забыл. У вали-бея много дел и забот. Главное – учитывать поступление налогов и от мусульман, и от райя («неверных»). А христиане норовят как-то обхитрить, и харадж не платят вовремя, ссылаясь на бедность. А вот в ислам не переходят. Глупый народ. В общем, забот хватало, и о церкви Фанеромени он и думать забыл.

Сон Кючук-Мехмета.

Но неожиданно церковь о себе напомнила минувшей ночью. Ему приснился сон, мрачный и неприятный. Вроде бы в сумраке шел он по улице, по центру Лефкоши, миновал церковь Фанеромени, и тут из храма раздался женский голос. Стало жутко ему, он боялся обернуться, но все слышал. Кючук-Мехмет понял, что голос этот был голосом Мариам, матери христианского пророка Иссы. Всех слов он не запомнил, но смысл был таков: «Оставь, Кючук-Мехмет, Мой храм в покое, не препятствуй Моим детям приходить ко Мне». Проснулся в холодном поту, первой мыслью было: опасность поджидает его, и мысль эта не давала покоя все утро. А тут еще ага с таким неприятным рассказом о смертях несчастных имамов. Нет, Кючук-Мехмет не был трусом, султан Махмуд II знал об этом, вон какой высокий пост дал, быть правителем Кипра – это почетно и ответственно. Он ни разу султана не подвел. И что же теперь? Все пойдет прахом из-за желания закрыть эту церковь?! И его может ждать погибель, как и других, чей земной путь оборвался столь бесславно. Вали-бей хлопнул в ладоши и приказал слуге:

-Позови ко мне кади, да скажи, что хочу его видеть немедленно, пусть поспешит !

«Кади – это главное духовное лицо, пусть растолкует, как поступить», - подумал вали-бей. Кади, согбенный старик, был известным знатоком Корана. Вали-бей приветливо поздоровался с ним и завел разговор о христианах. Как бы между прочим спросил о Мариам, матери христианского бога, которого он вовсе богом не считал, а считал пророком Иссой. А Кади поведал ему чудную историю:

- Когда Пророк Мухаммед покорили Мекку и его соратники вошли в этот священный город, пророк зашел в греческую церковь, которую построили для своих молитв византийские купцы рядом с Каабой. Один из воинов уже был там и пытался соскоблить со стены икону Матери Христа. Пророк отстранил не в меру усердного мусульманина, и широкой ладонью прикрыл лик иконы. А затем сказал слова, которые потом стали хадисами в Коране: «Мир под стопами матерей».

Вот, какую историю рассказал мудрый кади вали-бею. И Кючук-Мехмет подумал: «Пошлю в эту церковь подарок, в память о пророке. Пусть остается Фанеромени домом Мариам. В Лефкоше много мечетей, а будет еще больше, скоро во всем мире будут стоять мечети, украшенные гордыми минаретами, и только Аллаху будут возноситься молитвы». Он в это верил и жизнь был готов отдать за исполнение этой мечты. А то серебро, что он пошлет

сегодня же в Фанеромени, – это не слабость, это великодушие. Так решил турецкий правитель Кипра и то, что задумал – исполнил...

Эту историю я вспомнила, когда уже зашла в храм во имя Богородицы Фанеромени (Явленной). Там я увидела чудную лампаду, изготовленную из серебра, которое прислал в храм турецкий наместник султана Кючук-Мехмет. Увы, с этим недоброй памяти персонажем нам еще придется встретиться на страницах истории храма. Но пока нам предстоит молитвенная встреча в Доме Богородицы Явленной.

Радуйся, Невесто Невестная.

На Кипре утренние службы начинаются рано, и уже после шести утра к храму потянулись богомольцы. Служка открыл церковные ворота, и оказалась я под сводами храма во имя Богородицы Фанеромени. В душе зазвучало молитвенное песнопение: «Марие, Дево Чистая, Пресвятая Богородице, Радуйся Невесто Невестная. Царице Мати Дево, Руно всех покрывающее, Радуйся Невесто Невестная». Самое любимое, нежное и проникновенное. А зазвучало потому, что церковь сама была похожа на невесту, чистая белизна стен – словно подвенечное платье, а чудный резной иконостас – как венчальная корона. По кипрской традиции можно к этой короне приблизиться, прикоснуться губами к краешку образа Одигитрии. Строг он, взор Богородицы на иконе, не удивлюсь теперь, что турецкий правитель Кючук-Мехмет испытал трепет при виде этого образа. А в храме зажигают лампы. Нельзя не залюбоваться одним особенным светильником, который спускается в центральную часть храма из-под купола. Мы, русские, называем такую красоту сканью (от старинного слова «скасть», что значит «свивать»). В Европе этот вид искусства называют «филигранью». Светильник выполнен из тонкой серебряной проволоки, свитой в причудливый узор. Описать его – и слов-то не хватит. Он старинный, имя его автора не сохранилось. А вот в 1856 году этот светильник отреставрировал талантливый серебряных дел мастер Паливиос Колокос, который заново сотворил это чудо. Он же – автор драгоценных окладов нескольких икон иконостаса. Но сегодня мы вновь вспомним Кючук-Мехмета. Ведь именно на средства, вырученные от продажи его серебряных подношений храму, было создано это филигранное чудо. На службах я по привычке, обретенной на родине, всегда стою, хотя в стасидии (специальном деревянном кресле с откидным сидением, высокой спинкой и подлокотниками) можно и присесть. Устроюсь на краешке сидения и осмотрюсь, пока служба не началась. Взгляд осторожно касается старинных икон, более новых образов, идет неслышная переключка эпох и мастеров, творивших в этом храме в минувшие годы. Вот слово берет изумительный резчик по дереву Толиадорос. Он создал амвон, украсив его редкой по красоте резьбой. А отвечает ему иконописец Диамантис, который написал иконы четырех евангелистов, они размещены на внешней стороне амвона. Его кисти принадлежит и икона Богородицы Фанеромени в иконостасе. Но здесь в переключку великих мастеров вступает золотых дел мастер Хаджи Логис, ведь это он создал изумительный оклад для иконы. Перед литургией подаю записочки члену церковного комитета, который стоит за свечным столиком. Задаю вопрос и узнаю, что сама икона «Явленная» бережно хранится в алтаре и выносится в храмовые праздники для поклонения верующих. Это происходит всего лишь дважды в год: 25 марта, в день Благовещения, и в праздник «Положения честного Пояса Пресвятой Богородицы», который на Кипре отмечается в 31 августа.

Литургия – это общее дело.

С детства хожу я в храм, стараюсь по воскресеньям бывать на Литургии. И раньше, в детстве и в юности, и особенно в зрелые годы, в церкви всегда сердце посещает особенная радость. Это чувство радости окрашено таинственным ощущением сопричастности великому, неизреченному, такому родному и близкому. Православная Литургия – это радость и благодатность совместной молитвы. Здесь слова «братья по вере» не звучат, а живут в сердце как прекрасные весенние цветы. На Литургии православный человек дома, куда бы ни забросила его судьба. Здесь совершается таинство святого Причащения. Начало – Проскомидия. Вслушиваюсь в слова Часослова. А в алтаре происходит чудо приуготовления евхаристии. И вот диакон, получивший благословение у священника, выходит из алтаря и возглашает: «Благослови, Владыко!» И нас благословляют участвовать в молитвенном прославлении Господа. Вершится Литургия...

Намоленность. Для Бога все живы.

Есть в русском языке такое удивительное выражение – «намоленное место». Что это значит? Трудно ответить на этот вопрос. Ответ у каждого свой. Как объяснить это чувство ощущения намоленности? Его не измерить приборами, не понять разумом. Оно может властно коснуться души в маленькой деревенской часовенке среди васильковых лугов Рязанщины. И будет совсем не слышно в огромном новом храме, украшенном пышным декором и позолотой. В энциклопедическом православном словаре это понятие толкуется как «пронизанный молитвенным духом храм, в котором молилось много людей». В храме Фанеромени за многие столетия молился неисчислимый сонм и простых богомольцев, и мучеников, и святых. Храм, и правда, пронизан молитвенным духом. Кажется, молитва от полноты души взлетает к куполу, где изображен Господь Вседержитель, а затем возносится дальше, дальше, к Небесам. Есть в Кипрской Православной Церкви традиция, которая глубоко трогает душу. Душа откликается благодарностью и светлой печалью. У богомольцев в руках тонкие ароматные восковые свечи. Язычки пламени устремлены вверх, как души людей, в молитве устремленные к Богу. Наши молитвы о близких: живых и усопших. У нас в России свечи об упокоении усопших принято ставить перед распятием Господним на канун, специальный столик. В кипрских храмах мы ставим наши свечи вместе: и за живых, и за усопших. Ведь сказано в Евангелии: «Для Бога все живы» (Лк.20:38) Мы верим, что живы и те подвижники духа, великие ревнители веры, которые входили под сень этого дивного храма на протяжении многих веков, многие из которых жизнь отдали за Христа без сомнений и колебаний. Конечно, храм перестраивался, да только место оставалось, молитвы возносились, и место оставалось неизменным, намоленное место.

Ахиерископ Киприан и Кючук-Мехмет.

Наверное, он приходил сюда нередко. Архиепископ всего Кипра и новой Юстинианы Киприан. Ведь от Архиепископии до Фанеромени идти недалеко. Время было тревожное, шел 1821 год. Три года назад на Кипр прибыли тайно Стергиос Хаджикоста и Димитрис Ипатрос, молодые, горячие. Члены тайной организации греческих повстанцев «Филики Этерия (Общества друзей)», греческие революционеры. Архиепископ был посвящен в цели и план действий тайной организации. Укрытием и местом его тайных встреч с греками был подземный ход, который соединял здание Греческой школы (ее в 1812 году открыли трудами

Архиепископа на земле, принадлежащей Кипрской Православной Церкви) с расположенной напротив Архиепископией.

Греки были уверены, что киприоты восстанут по первому сигналу, и недоумевали, когда Архиепископ объяснил: для киприотов участие в восстании - самоубийство, нет у них боевого опыта, нет вооружения, а Малая Азия рядом, и всегда турки могут прислать отряды янычар на подавление любого восстания. Правитель Кипра – зол и подозрителен, христиан ненавидит, словно пытается отомстить за что-то. Люди поговаривают, что вали-бей побаивается архиепископа Киприана и только ждет случая, чтобы с ним расправится. Но не о себе беспокоился Архиепископ, он не хотел бесполезных жертв, зная, что турки готовы потопить в крови православный Кипр. Мудр был Архиепископ. Он отправил восставшим греческим братьям немалые суммы денег, и сам руководитель восставших Александр Ипсиланти благодарил его специально зашифрованным письмом. Но молодости не свойственно терпение, взвешенность в мыслях и делах. И вот прибывают на Кипр еще два революционера и тайно привозят прокламации - призывы к восстанию. Они разлетаются по Кипру и попадают в руки Кючук-Мехмета. Прокламации даже обрадовали вали-бея. Появилась возможность нанести упреждающий удар по главным смутьянам. Но кто же они? Вали-бей составляет список. В списке четыреста восемьдесят шесть имен известных и уважаемых в кипрском православном народе старцев, священников, митрополитов, учителей, врачей. Это те, кого называют элитой общества. Список возглавляет имя Архиепископа Киприана. Составив список, Кючук-Мехмет пишет султану два письма, похожих на призыв: «Необходимо восстановить моральные нормы могущественной Порты и уничтожить ее злейших врагов!» Султан быстро откликнулся присылкой на Кипр четырехтысячного войска. Пишется одна из самых трагичных глав в истории Кипра. Четыреста семьдесят шесть патриотов были казнены, среди казненных - митрополиты и игумены монастырей, турки их обезглавили, а Архиепископа Киприана и его ближайшего помощника диакона Мелетия повесили. Так на страницах нашего повествования появилось вновь имя Кючук-Мехмета, на этот раз оставившего кровавый след в истории Кипра. Но кто сегодня вспоминает имя этого кровавого палача? И как драгоценна память о мученике Архиепископе, как велика народная любовь к этому великому человеку.

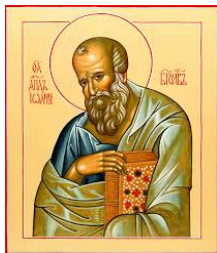
Мавзолей.

Зверская расправа над греками—киприотами продолжалась с 9 по 14 июля 1821 года. Погибло большое число мирян (некоторые исследователи приводят цифру в десять тысяч). Были разграблены монастыри и конфисковано имущество казненных. Часть погибших была захоронена в Никосии на кладбищах Паллуриотиссы и Агион Омологистон, а семнадцать человек, духовные лидеры нации, были погребены у церкви Панагия Фанеромени. В 1872-1873 годах их останки поместили в храм в специально сооруженной гробнице под святым алтарем, а в 1930 году - в специально построенном во дворе церкви мраморном мавзолее. Знаменательно, что мавзолей построен из того же мрамора, из которого построен Парфенон. Частичка Эллады в самом сердце Кипра. Как символ, ведь у каждого киприота Эллада в сердце. На усыпальнице начертана эпитафия, сочиненная профессором Афинского университета С. Минарду: «О вы, священники-мученики, пожертвовавшие своей жизнью, и вы - мученики-герои; теперь с небес, где вы пребываете, дайте своей родине свободу».

Глава вторая.

Обитель Апостола любви

«Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, – как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3:16-18)

Внешнее и внутреннее.

При словах «кафедральный собор» перед мысленным взором возникают виденные ранее кафедральные соборы: храм Христа Спасителя в Москве, Собор апостола Петра в Риме, Собор св. Витта в Пражском граде, Собор Парижской Богоматери... Торжественные, многозвучные, многокрасочные. Иначе и быть не может, ведь это главные храмы, в которых вершатся важнейшие духовные и исторические события, где пребывают духовные предстоятели своих народов. Есть и у нас на Кипре величественные храмы. Им присущи просторные размеры, архитектурные красоты. Мимо таких храмов не пройдешь, остановишься, залюбовавшись. Не то кафедральный собор Иоанна Богослова в центре кипрской столицы. Он скромнен по размерам, архитектура исполнена сдержанности. Отсутствие украшательств внешних делает его облик строгим. Ему присуща благородная простота, некое смирение. Не зная, что это кафедральный собор, иной турист пройдет мимо, мало ли церквей на Кипре. Но мы обязательно зайдем под своды храма Иоанна Богослова. И дыхание перехватит: какое же изумительное послание оставили нам агиографы прежних эпох («агиографами» на Кипре называют иконописцев, дословный перевод слова - «святописцы»). Кипрская исследовательница Василия Григориу насчитала 182 (!) фрески на стенах храма. Лики Господа, Богородицы, ангелов, пророков, святых обращены к нам, страницы Священного писания и истории Кипрской Православной Церкви оживают в образах и красках. Цветовая гамма фресок сдержанна, но это только оттеняет высокую духовность изображений. Незабываемое чувство пережила я, когда переступила порог храма впервые: изумление от соединения внешней скромности архитектуры собора и красоты внутреннего живописного убранства. Этот дивный сплав делает кафедральный собор Кипрской Православной Церкви многоценным алмазом в золотом венце Лефкосии. И так хочется хотя бы частичку этой красоты и духовности усвоить душой, сохранить в сердце.

Моление у иконы.

Не впервые я замечаю тождественность судеб святых и храмов, им посвященных. Собор в Лефкосии посвящен апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. Не таким ли, скромным и смиренным, был Иоанн, сын Заведя, обыкновенного рыбака из Вифсаиды, когда Господь призвал его на служение. Но Всевидец Спаситель обратил на него свой взор, прозрев в юноше чистоту помыслов, красоту души, глубокий ум, пламенную веру, сплав внутреннего и внешнего. Этот сплав изумляет нас и в соборе. Я люблю приходить в этот храм перед закрытием, когда он отдыхает от потока туристов. (В программу экскурсий по столице Кипра гиды непременно включают посещение официальной кафедры предстоятелей Кипрской

Православной Церкви). Но приходит вечер, сотрудник гасит свечи, приводит в порядок пространство храма. Его тихие шаги не отвлекают от молитвы, а храм наполняется мягким вечерним светом, льющимся из многочисленных окошек. Это в первый приход храм поразил многоцветьем и многоголосием, глаза разбегались, вопросы теснились в голове. На многие из этих вопросов за четверть века жизни на Кипре я обрела ответы, и сложился неизменный порядок: начинаю свою встречу с храмом с молитвенным стоянием пред чудесной иконой Иоанна Богослова. Ее написал в далеком 17 веке агиограф Милостью Божией Феодор Пулакис (1622 – 1692). Он творил в драматичное время, когда турецкая экспансия ширилась, и его родной Крит терял свободу. Столица Крита Кандия будет захвачена турками через семь лет после кончины художника. Пулакис покинул Крит, он жил и творил на Корфу, в Венеции. Западное искусство оказало некоторое влияние на художника, но он всегда был верен византийскому канону. Его иконы заказывали монастыри на Патмосе и на Крите. Многие работы художника сохранились, как сохранилась и эта икона в Кафедральном соборе. На ней Иоанн Богослов изображен в момент озарения. Его образ окружают двенадцать небольших миниатюр – двенадцать повествований о житии святого. Почти триста пятьдесят лет православный люд у этой иконы возносит молитвенное прошение любимому святому:

О великий и всехвальный апостоле и Евангелисте Иоанне Богослове, наперстниче Христов, теплый наш заступниче и скорый в скорбех помощниче! Умоли Господа Бога даровати нам оставление всех прегрешений наших, елико согрешихом от юности нашея во всем житии нашем делом, словом, помышлением и всеми нашими чувствами. Во исходе же душ наших помози нам, грешным, избавитися от воздушных мытарств и вечного мучения, да твоим милостивным предстательством прославляем Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков.

Теплое моление у этой чудесной иконы особенное, уста произносят слова, а взор бережно касается жития святого, переданного художником линиями и красками с любовью и верой.

«Ученик, которого любил Иисус» (Иоанн.19: 26).

Уверена, читатели этой повести, конечно, знают житие святого апостола. И не дерзну здесь пересказывать чудесные страницы его жития. Назову лишь вехи, чтобы еще раз пережить изумление и испытать признательность апостолу евангелисту за его подвиг любви. Вообще Иоанн Богослов был одним из ближайших апостолов, которым было дано присутствовать при всех величайших событиях земной жизни Спасителя: при воскрешении дочери Иаира, во время славы Господа на горе Преображения, во время Его душевного борения в Гефсиманском саду. На Тайной вечере апостол припадал к груди Иисуса (Ин.13:25). Он присутствовал при суде над Христом, стоял у Распятия и принял от Божественного Учителя поручение заботиться о Матери Его.(Ин.19:26). Эта страница жития особенно важна для киприотов, ведь когда Богородица посещала Друга Ее Сына святого Лазаря, апостол Иоанн Богослов сопровождал Ее, он ступил на кипрский берег, память об этом хранит кипрский народ в своем сердце. После Вознесения Господа Иоанн проповедовал в Иерусалиме и претерпел там бичевание. В Риме апостол перенес страшное Нероново гонение. Впоследствии он был схвачен и сослан на остров Патмос. Там он удостоился откровения о будущих судьбах Церкви и мира, которое он изложил в Апокалипсисе. После ссылки Иоанн поселился в Ефесе, откуда следил за жизнью Церкви, боролся с ложными философскими взглядами, охраняя чистоту христианского вероучения. Он написал одно из четырех

Евагелий и три «Послания». Приведу здесь слова апостола, которые находят особенный отклик в душе: *«Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга (Ин. 4:9-11).* Икона Феодора Пулакиса напоминает нам об этих высоких истинах.

Видение Феодора Пулакиса.

Выше я написала об иконописце Пулакисе, что это «агиограф Милостью Божией». И это сказано не для красного словца. «Много званых, но мало избранных», - говорит Господь. Пулакис был тем избранным. И подтверждает это интереснейший факт его биографии. Однажды в 1670 году Феодор Пулакис, покинув родной Крит, плыл на корабле по проливу между Корфу и берегом Албании, корабль проплывал селение Кассиопи. Внезапно налетел сильнейший ветер, поднялся шторм. Феодор, опасаясь, что корабль может затонуть, стал просить Богородицу о помощи. Шторм прекратился, Феодор лег спать. И вот снится ему сон, в котором видит он целую историю.

Как будто невидимо присутствует он в давние времена в местности недалеко от Керкиры, где ему до сих пор бывать не доводилось. Словно оказался он в селении Кассиопи, мимо которого проплывал его корабль, а в селении есть храм. Много паломников пришло в этот храм, ибо там хранится древняя икона Богородицы Неувядаемый Цвет. Среди паломников увидел Феодор и мальчика Стефана с матерью. У мальчика нет глаз, его недавно безвинно оклеветали в разбое, и венецианский правитель Корфу приказал вырвать у Стефана глаза. Мать с сыном пришли к храму, чтобы там просить милостыню. Места в гостинице были все заняты, и сердобольный служка разрешил им заночевать в храме. Мать и сын молились Богородице у Ее чудотворного образа. А ночью Стефан проснулся от того, что кто-то надавил ему на глазницы и, о чудо, зрение вернулось к нему. Он разбудил мать, и она увидела, что произошло. Велика Милость Богородицы, которая исцелила мальчика!

Проснувшись, Феодор решил обязательно побывать в Кассиопи и расспросить жителей, было ли то, что ему приснилось в действительности. Он специально приехал в Кассиопи, беседовал с жителями. Ему рассказали, что вся эта история случилась сто сорок лет тому назад, жители помнили и имя правителя - Симони Леони Балби. Он, узнав о чуде, приехал в Кассиопи, раскаялся и принес дары чудотворной иконе. Показали Феодору и икону. Потрясенный художник впоследствии написал свою икону с изображением этого чуда. И сегодня на Корфу в монастыре Кассопитра можно икону увидеть.

Иоанн Биби. Сирийский след.

Вот, с творением какого уникального художника мы можем встретиться в храме. У иконы Иоанна Богослова непростая судьба. В семнадцатом веке ее приобрел богатый киприот Йоргос Врахимис, который жил в Венеции, и прислал на Кипр, сделав дар монастырю Иоанна Биби, который располагался на этом месте. Но почему Биби? Что за странное слово? «Хабиби» по-арабски значит «любимый». В старинном названии монастыря, который стоял когда-то на месте нынешнего кафедрального собора, слышится отзвук этого арабского слова. Иоанн Богослов - любимый ученик Христа. Может быть, поэтому так называли монастырь? Но почему арабское слово появляется в названии? Мне пришлось изучить

значительное количество источников. И вот, что удалось узнать. Документы свидетельствуют, что монастырь был построен еще в византийскую эпоху, в то время, когда возникли монастыри Богородицы Киккской и Махера. Когда прибыли на остров латиняне, монастырь стал католическим. В правление Лузиньянов на Кипр переселяются многочисленные семьи сирийцев-христиан. Одну из таких семей по фамилии Бибидес упоминают кипрские летописцы Леонтий Махера и Флориос Вустронис. «Неясно, имя «Биби» было дано монастырю сирийской семьей, или же эта семья взяла себе имя монастыря», - пишет уже упомянутая нами кипрская исследовательница Вассилия Григориу.

Янычары, сипахи и райя.

...Это было 30 апреля 1662 года. После окончания Божественной Литургии в монастыре апостола Иоанна Биби богомольцы не торопились расходиться по домам, архиепископ Никифор также не отправился в свою резиденцию, которая располагалась неподалеку от монастырского дворика. Предстояло важное дело: закладка нового храма. Более ста лет Кипр находится под властью турок. Вначале захватчики относились к православным более-менее терпимо, их задачей была борьба с Венецией, православных особенно не трогали. Но вскоре пришлось киприотам почувствовать, что значит быть под иноземным игом. На Кипр прибыли янычары. Это были опытные и жестокие воины. Их к службе готовили с раннего детства. Дисциплинированные, фанатичные и абсолютно преданные султану, они жили войной. Две с половиной тысячи сипахов, кавалеристов, также несли службу на Кипре. В Фамагусте стоял турецкий флот. Турецкие чиновники расплодились в огромном количестве. И всю эту массу иноземцев надо было содержать. Турки ввели на всех жителей огромное количество налогов: налог на соль, на воду, на зарплату кади – главного духовного исламского служителя. Но самым тяжелым налогом для православных был харадж – налог на веру. Доклады с Кипра не радовали султана Мехмеда IV (1648 – 1687). Ему сообщали, что усилился отток жителей с острова. Когда турки пришли, было около двухсот тысяч жителей, а сейчас - вдвое меньше. А значит, налогов будет в казну поступать меньше, чем хотелось бы, просто платить будет некому. А у султана были весьма амбициозные намерения – хотелось отнять у венецианцев Крит, да неплохо было бы приделы Порты расширить до европейских столиц. Все эти планы требовали затрат. Ситуация была непростая. Венеция не хотела смиряться со своим поражением в Средиземном море. Вновь дожем был послан венецианский флот, которому удалось одержать победу над турецким флотом в Дарданелах. В этой обстановке всякие волнения на Кипре были совсем ни к чему. И вот, что решил султан два года назад. В 1660 году он постановил, что архиепископ Кипра будет отныне называться Ага-Векили, что значит – «посредник». Именно архиепископ отныне посредник между турецкой администрацией и своим народом, именно он несет ответственность за «райя» (дословно – «стадо», так турки называли христиан). Архиепископ получал право обращаться лично к султану с жалобами на турецких чиновников, но он же отвечал и за вовремя собранные налоги с православных, за их лояльность. Когда в XII веке на Кипр пришли латиняне-католики, они отобрали у Кипрской Православной Церкви многие монастыри и храмы. Теперь турки позволили выкупить церковную собственность, храмы и монастыри кипрский народ выкупал, отказывая себе в последнем.

Чин освящения.

Именно благодаря этим небольшим послаблениям (впрочем, они вскоре прекратятся) и стало возможным архиепископу решиться на строительство нового храма на подворье бывшего

католического монастыря. В этот солнечный день архиепископ Никифор готовился к чину освящения закладного камня. С пением псалмов богомольцы окружили своего предстоятеля. Архиепископ взял кадило, от покачивания ароматный душистый дымок струился, наполняя пространство вокруг возведенного основания будущего храма. Певчие запели тропарь Иоанну Богослову:

«Апостоле Христу Богу возлюбленно, ускори избавити люди безответныя, приемлетя припадающа. Иже пашиа на перси приемый. Его же моли, Богослове, и належашую мглу языков разгнати, прося нам мира и велия милости».

Внезапно на дороге, ведущей к монастырю Иоанна Бибиса, появилось пыльное облако, приближалась группа всадников. По толпе прошелестело: «Сипахи, сипахи». На лицах собравшихся – тревога. Но Архиепископ не остановился, он продолжал каждение, а затем, возвысив голос, произнес слова молитвы: «Господь! Соблюди строителей храма сего невредимыми, основание храма незыблемым, покажи сей дом совершен к славословию Бога!» Всадники замедлили ход, с недобрым любопытством наблюдали они, как Архиепископ, взяв камень, начертал им крест и положил в основание строящегося храма. Никифор громко и уверенно провозгласил: «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждующии». Гортанные крики всадников не смогли заглушить слова псалмопевца, пыльным облаком скрылись сипахи, так и был заложен храм Иоанна Богослова, ставший кафедральным собором.

Созерцать красоту, ощущая благодать.

Недаром говорят, что хорошее начало – половина дела. Храм, заложенный в 1662 году, несмотря на тяжелейший период в истории Кипра и его православного народа, не только был построен, но и расписан чудными фресками. Имена святописцев, увы, остались неизвестными. Работы по благоукрашению храма велись неспешно, более тридцати пяти лет. Милостью Божией все изображения сохранились в прекрасном состоянии. И мы можем ими любоваться, не забывая и о том, что фрески храма - это еще и настоящая школа по изучению Священного Писания, Закона Божьего, православной культуры, истории христианства, истории Кипра и его Православной Церкви. Оставим искусствоведам разбираться в особенностях поствизантийского стиля фресок, западном влиянии на творчество художников, расписывавших храм. Сосредоточимся на содержании икон. И пусть путеводителем в этом созерцании станет для нас напутствие Архиепископа всего Кипра и Новой Юстиниана Хризостома II. Однажды мне довелось прочитать его слова: ***«В сложное время, в которое нам суждено жить, мы прибегаем к церковному искусству, которое так много говорит нашим душам. Мы созерцаем красоту, но, самое главное, нас касается Любовь Творца. Через священные образы мы ощущаем благодать Господа, встречаем присутствие Духа Святого. Мы сверяем свою жизнь по Господу, возлагаем все свои упования на Него, и наши сердца наполняются оптимизмом».***

«Я был в духе в день воскресный»

Именно такие чувства однажды мне довелось пережить в соборе Иоанна Богослова. На Кипр мы приехали теперь в уже далекие девяностые годы. Круг общения нашего сложился из людей в основном церковных. Моими учителями были монахи монастыря Махера и Ставровуни, духовная дружба связывала с семьями священников, учителями, иконописцами.

От одного из моих добрых друзей, иконописца Йоргоса Папапетру, я узнала интересную историю. Оказывается незадолго до нашего приезда на остров, на Кипре была обретена редчайшая икона Спасителя. Вот, что поведал мне Йоргос. В течение многих лет подле иконостаса у южной стены храма находилась переносная икона апостола Варнавы. В 1990 году Отдел древностей министерства культуры Кипра осуществлял в соборе обширную программу реставрационных работ. Икона апостола Варнавы была перемещена, а под ней неожиданно была обнаружена фреска, которая очень сильно пострадала от сырости, но все же сохранилась. Изображение повергло исследователей в изумление. В центральной части найденной фрески был написан Господь в образе седовласого старца. Такое изображение, довольно редкое, на Кипре еще встречается в монастыре Богородицы Подиту. Господь был в ослепительно-белых одеждах, в правой деснице Он держал семь звезд, в левой – два ключа, а из уст Его выходил обоюдоострый меч. После тщательной реставрации стало понятно, что на фреске отобразено содержание первой главы Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Йоргос посоветовал нам непременно посетить храм и обязательно взять с собой Откровение. Мы последовали его совету. И пережили необыкновенное чувство приобщения к тайне. Недаром русское слово «откровение», соответствующее греческому «апокалипсис», означает «раскрытие тайны»...

Апостол Иоанн получил это потрясающее Откровение на острове Патмос, небольшом островке в Эгейском море, расположенном между Малой Азией и Грецией, на юго-запад от Ефеса. Согласно утверждениям историков церкви, Иоанна сослали на этот остров за благовествование в Ефесе. По преданию, Иоанн, будучи узником на Патмосе, работал там в рудниках. Этот период житий Иоанна были весьма тяжелыми, но именно тогда Господь дал ему поразительное откровение о судьбах мира. Произошло это в Господень день, то есть в воскресенье, когда Богослов слышал позади себя громкий голос, словно трубы вострубили: «Я есмь Алфа и Омега, первый и последний, то, что видишь, напиши в книгу». Неведомый нам иконописец детально проиллюстрировал содержание первой главы Откровения, начиная со стиха двенадцатого до последнего стиха. На фреске изображены семь золотых светильников, семь ангелов, семь Церквей, которым поручал Господь послать Откровение. Но самое чудесное – это образ Господа. Он изображен «Ветхим днями», то есть в образе величественного старца в сияющих белых одеждах с золотым поясом по груди. (Таким увидел Господа в видении пророк Даниил еще в VII в. до Р.Х.). «Очи его как пламень огненный», - пишет апостол Иоанн. Иконописец передает этот жар очей Создателя, а уж как это ему удастся, - для меня загадка. Господь парит на белых облаках, семь ангелов ему предстоят в молитвенных позах, Он держит в деснице своей семь звезд, «и из уст Его выходит острый с обеих сторон меч» (Откр.1:16). Признаюсь, впервые я увидела такое изображение, и обратилась за разъяснением к насельникам монастыря Ставровуни. «Этот изображен меч духовный, - пояснил иеромонах Харитон, - в Послании к ефесянам апостола Павла говорится, что Слово Божие и есть меч духовный (Еф.6:17)». Позднее мне довелось прочитать высказывание святителя Филарета (Дроздова): «Вооружайся и ты, христианин, мечом духовным, глаголом Божиим, держи его в твоей памяти и в твоём сердце, обучи себя обращать его острие против всякого глагола беззакония — и никакое зло не будет для тебя непобедимо, никакая сила врага не страшна, никакая хитрость его не проницаема, и все

оружия его сокрушатся и упразднятся». Как прекрасно сказано, и как же помогают нам чудесные фрески храма держать в памяти Слово Божие!

Благословение Хризостома I.

Мы уже упоминали, что количество фресок в кафедральном соборе Иоанна Богослова около двухсот. Каждая достойна отдельного рассказа, подробного описания. Работа в паломническом отделе Русского православного образовательного центра дает нам возможность часто посещать храмы в старой части Никосии, сопровождая паломников из России, Украины, Белоруссии. Вместе с паломниками любуемся иконами собора Иоанна Богослова, о некоторых рассказываем, отвечаем на вопросы. И всегда особенный интерес вызывает фреска, которую специалисты называют «Привилегии Церкви Кипра». Нам эта фреска всегда напоминает одну встречу, которую хочется назвать судьбоносной. Много лет назад нам посчастливилось сопровождать в паломничестве по Кипру известного деятеля Русской Православной Церкви владыку Питирима. Владыка, видя наш интерес к святыням православного Кипра, посоветовал: «Помощь паломникам - это дело хорошее, это миссионерский труд. Но, коль вы собираетесь работать на канонической территории Кипрской Православной Церкви, необходимо обратиться за благословением к ее Предстоятелю». Помог Владыка Питирим и встречу с приснопамятным Архиепископом Кипра Хризостомом I назначить. Причем, встреча должна была состояться в монастыре св. равноапостольной Феклы, близ селения Мосфилоти. В монастыре у Архиепископа проходила встреча с иностранной делегацией. Он был облачен в парадные одежды алого цвета, в руке – необычный жезл, увенчанный золотым яблоком с крестом. В общем, вид имел царский, что добавило нам волнения. Но Архиепископ нашел время и для нас, принял радушно выслушал внимательно, одобрил наше намерение и благословил. Конечно, об этой встрече мы с волнением рассказывали нашим кипрским друзьям. Один из них, Андреас, учитель кипрской гимназии, при этом заметил: «Наш архиепископ не только в царском облачении ходит, но и чернилами красными подписывает документы. Это право предстоятели Кипрской Церкви получили еще в пятом век от Византийского императора».

Миссия апостолов.

Благословение Архиепископа обязывало. И мы принялись изучать историю Кипрской Православной Церкви. Вот тогда-то мы и узнали о ее привилегиях. А в соборе Иоанна Богослова нашли живописный рассказ о том, как эти привилегии были обретены... Итак, первый век от Р.Х. на Кипре ознаменовался прибытием на остров святого Лазаря Четверодневного, апостолов Варнавы, Павла, Марка Евангелиста. Апостолы прибыли на Кипр примерно в 45 г. Они прошли весь остров, проповедуя Слово Божье, обретая преданных сторонников и учеников. Им удалось привести ко Христу даже римского проконсула Сергия Павла в Пафосе (некоторые предания даже утверждают, что в дальнейшем проконсул стал служителем церкви, епископом во французском городке Норбон). После кипрской миссии пути апостолов разошлись. Павел отправился на проповедь в Киликию, а Варнава и его племянник Марк, будущий евангелист, вернулись на Кипр. Проповедь апостолов нашла отклик в сердцах киприотов. Апостол Варнава почитается как основатель Кипрской Православной Церкви. В 57 году Варнава был побиваем камнями и предан смерти в родном городе Саламисе фанатиками- иудеями.

Из истории КПЦ: обретение автокефалии.

Шли годы. В 395 г. после раздела Римской империи на Восточную и Западную, Кипр вошел в состав Византии, в подчинение Восточной префектуры (центр – Антиохия). Это обстоятельство дало Антиохийским патриархам формальный повод претендовать на включение в свой состав Кипрской Церкви на правах обычной епархии. Между тем, благодаря своей древности и апостольскому происхождению, христианская община Кипра всегда пользовалась правами независимости от других Православных кафедр. Вопрос об автокефалии Кипрской Церкви был обсужден и решен в 431 году на последнем седьмом заседании III Вселенского Собора. Собравшиеся в Ефесе Отцы 8-м правилом подтвердили независимость Кипрской Церкви, но выразили это в форме достаточно условной: «если доказано, что киприане пользовались независимостью, то пусть пользуются ею и на будущее время». Это решение было признано и тогдашним предстоятелем Антиохийской Церкви патриархом Иоанном. Тем не менее, спустя короткий промежуток времени претензии Антиохийских предстоятелей на Кипр возобновились. Попытку присоединения Кипрской Церкви к своему диоцезу предпринимал Антиохийский Патриарх Петр Гнафевс.

«Как утвердить автокефалию Кипрской Церкви, как доказать Ее апостольское происхождение?» - не раз размышлял тогдашний предстоятель Анфемий. И вот, согласно преданиям, однажды в тонком сне явился Анфемию сам апостол Варнава. Последующая истории изображена на четырех фресках в храме Иоанна Богослова, композиция расположена справа от епископского трона. Варнава, основатель Кипрской Церкви, посоветовал Анфемию искать решения возникшего затруднения в Константинополе, а также указал на место своего захоронения. На следующий день архиепископ с клиром отправился на окраину родного города апостола Варнавы Саламина и действительно нашел гробницу, в которой обрел мощи святого. (Место это находится на севере Кипра, на территории, оккупированной незаконным турецким режимом). Впоследствии там был основан монастырь апостола Варнавы. Нам довелось не однажды там бывать. После оккупации 1974 года монастырь турецкой администрацией был упразднен, превращен в музей. Но даже у турок не поднялась рука на святыню кипрского православного народа. Место, где были обретены мощи основателя КПЦ, сохранено. Над ним воздвигнута часовня, где возжигаются свечи и горят лампы, а главное – православные паломники возносят молитвы к святому апостолу. Но вернемся в пятый век, на пространстве фрески появляется архиепископ Анфемий, он митре, парадном облачении. Его сопровождают священники и диаконы со светильниками. Один из дьяконов кадит ладаном. Производятся раскопки на указанном Варнавой месте и, о чудо! Епископ и его свита обнаруживают захоронение апостола и его святые мощи. На груди Варнавы обнаружено рукописное Евангелие от Матфея, положенное туда, по преданию, апостолом Марком. На следующей фреске мы видим архиепископа уж в Константинополе.

Три привилегии.

В 478 г. Анфемий отправился в столицу империи и был принят императором Зеноном. Посланец Кипра рассказал императору о чудесном видении и обретении мощей, подарил ему найденное Евангелие и изложил свою позицию по вопросу об автокефалии Кипрской Церкви. По указанию императора в Константинополе под председательством патриарха Акакия был созван Синод. Он в очередной раз подтвердил определение Третьего Вселенского Собора об автокефалии Кипрской Церкви. Зенон не только утвердил решение Константинопольского синода, но и даровал предстоятелю Кипрской Церкви целый ряд привилегий. Кипрский

архиепископ получил привилегию подписывать официальные документы красными чернилами, а также право ношения пурпурной мантии и императорского скипетра вместо обычного архиерейского жезла.

«Аз сплю, а сердце мое бдит».

Вот, прикоснулись мы душой к одному лишь изображению в кафедральном соборе, о сколь важных и многообразных событиях истории Кипрской Православной Церкви оно нам поведало. Уверена, каждого из вас, наши любознательные читатели, в храме Иоанна Богослова ждут такие удивительные встречи. Причем, у каждого будут свои. Кто-то узнает о событии Священной истории, и это первое знакомство подтолкнет к изучению Закона Божьего. Кто-то zalюбуется совершенно уникальным по красоте иконостасом, выполненным выдающимся кипрским резчиком по дереву Талиодоросом. А иной, встретившись в пространстве храма с образом святого, своего небесного покровителя, исповедует ему прегрешения и помолится ему о своих близких. Пребывание в храме – минута глубоко интимная, очень личные чувства, очень глубокие переживания...

Но пришло время нам покинуть святые стены. Перед выходом, поднимите взор, над западными воротами икона Господа. Она такая необычная, и так гармонична в этот весенний тихий вечер обстановке покоя, царящей в храме перед его закрытием. Господь в позе спокойной, умиротворенной, Его очи прикрыты, Он словно отдыхает. Нам никогда не доводилось видеть таких изображений Христа. Есть иконы, на которых изображен возлежащий Божественный Младенец. В России такой образ называют «Недреманное око». По- гречески иконография называется иначе «Анапесон» или «Возлежащи». Образ этот указывает на будущее воскресение Христа из мертвых, когда смертный сон не смог сковать Вечной Жизни. Вспоминаются слова, произнесенные библейским царем Соломоном в Песне Песней: «Аз сплю, а сердце мое бдит». А в Сердце Господа – непреходящая любовь ко всем нам. И эту любовь проповедует нам Православная Церковь и ее святые. Над Господом парят два ангела, в своих десницах они держат свиток, на котором читаем слова: «Церковь подобна Небесам, исполненным света...». Небеса – Царство Небесное, состоящее из святых. Сегодня в храме мы встретились с ними, и испытали чувства, которые так полно выразил любимый ученик Христа – Иоанн Богослов. Воистину, у нас есть огромная любящая семья. Мы никогда не бываем одиноки, забыты, брошены — множество взглядов, полных любви, заботы, глубокого сочувствия, обращены на нас с Небес, даже когда мы этого не чувствуем — более того, в такие моменты особенно. Церковь верит, что святые, водворившись на небесах, ни в коем случае не забывают нас, но по воле Божией о нас заботятся. Подобно тому, как в любящей семье Отец поручает старшим детям заботиться о младших, так и на небесах ангелы и святые пекутся о нас, совершающих свой путь на земле.

Глава третья.

Дар православной королевы.

Хриссолиниотисса Златольняная - самая древняя византийская церковь Лефкосии. Находится она неподалеку от Кафедрального собора Иоанна Богослова, недалеко от ворот Фамагусты. По предположениям ученых, она была построена в V веке. Говорят, что храм был почти полностью разрушен во времена арабских набегов. В XI здесь была обнаружена икона Богородицы с Младенцем. Икона эта получила имя Хриссолиниотисса. Имя для русского уха сложное, сложилось из двух слов: «золото» и «лен». Объяснения названию рознятся. Многие исследователи считают, что икона Богородицы была найдена в льняных полях, которые располагались в районе, где сейчас стоит храм. Лен на Кипре выращивали издревле. Его поля простирались от нынешней Лефкосии до города на северном побережье острова Морфу. Перевести название «Хриссолиниотисса» можно как – «Златольняная». А вот исследователь В.Г. Власов в словаре «Мир искусства», объясняет термин следующим образом: «Хриссолинилотисса» («вышитая золотом») - эпитет многих произведений византийского искусства: икон, плащаниц, церковных облачений. Известно, что на Кипре не только выращивали лен, но умели изготавливать виссон – тончайшие льняные ткани, которые использовались для вышивок. Кстати, сегодня неподалеку от храма расположены мастерские, где опытные умельцы творят изделия народных промыслов. Была ли обретенная икона некогда украшена пеленами с золотой вышивкой или нашли ее в полях цветущего золотистыми цветами льна – доподлинно неизвестно. Только сегодня мы можем видеть древнюю икону в иконостасе храма. Ее лик потемнел от времени, но он различим, он прекрасен. Икона эта относится к иконографическому типу Элеуса – Милостивая, олицетворяющая жертвенность материнства, бесконечную любовь и сострадание своему ребенку. Этот тип иконы был создан первым христианским иконописцем – апостолом Лукой, и потому в нижнем углу иконы Богородицы Хриссолиниотиссы художник запечатлел Луку, пишущего лик Богородицы

Святыни Хриссолиниотиссы.

Каждый православный христианин почитает своего небесного покровителя. Молится у его иконы, старается побывать у мощей святого. Моего мужа зовут Валерий. Мы чтим икону Сорока Севастийских мучеников особенно, ведь один из них это имя носил. Надо отметить, что храмов, посвященных мужественным воинам Христа, в мире немало. Их подвиг, совершенный в 320 году, не забыт. Нам доводилось молиться святым севастийцам в Иерусалиме, в древней столице Болгарии Тырново. А вот святынь сохранилось очень мало. Еще в VI веке Григорий Нисский писал, что мощи святых Севастийских мучеников «рассеяны по всему свету». Нам довелось в восьмидесятые годы жить в Москве, муж служил в Сокольниках в воинской части, а я преподавала в школе в этом же районе. Нашим любимым храмом в Москве стал храм Воскресения Христа в Сокольниках. И там мы имели утешение молиться у мощей Сорока Севастийских мучеников. Какова же была наша радость,

когда в Лефкосии в маленькой старинной Хриссолиниотиссе в самом центре основного нефа мы увидели ковчег с нетленными чудотворными мощами Сорока Севастийских мучеников! Справа от Царских врат, в иконостасе находится, пожалуй, одна из самых уникальных икон этой церкви – икона с двумя изображениями Пресвятой Девы с Младенцем! Над каждым святым образом присутствует надпись: справа – «Плирофоруса», что означает «Быстрослышащая», слева – «Ергоэпикос», что означает «Быстроотвечающая». Именно к этой иконе приходят в церковь Богородицы Хриссолиниотиссы верующие со своими бедами и печалью. Считается, что эта икона чудесным образом поддерживает страждущих, внимательно выслушивая каждого.

Еще одним сокровищем храма является серебряный триптих, созданный столетия назад в мастерских столицы Византии – Константинополе. В среднике триптиха изображена Богородица с Младенцем Христом, а на его створках – воины Федор Стратилат, Георгий Победоносец, Святой Мина и Димитрий Солунский – почитаемые во всем христианском мире святые воины.

Храмостроительница из рода Палеологов

Далеко не всегда нам известны имена тех благочестивых людей, которые были ктиторами (то есть строителями храмов). На средства этих людей строились и украшались православные церкви. В Хриссолиниотиссе долгим эхом звенит имя храмостроительницы – Елены Палеологини, королевы. Имя это на Кипре помнит стар и млад. В честь Елены Палеологини названы улицы в городах страны. Мне так хочется рассказать моим любознательным читателям то, что удалось прочесть на страницах словарей и энциклопедий, услышать из уст мудрых книжечеев-монахов, что удалось представить, перенесясь на крыльях воображения в первую половину далекого XV века, в королевство Лузиньянов. Здесь ждали невесту короля, византийскую принцессу Елену из рода Палеологов...

Династия.

Династия последних византийских императоров принадлежала к очень известной греческой фамилии, давшей Византии немало энергичных и даровитых людей. Основателю династии Михаилу Палеологу принадлежит честь изгнания крестоносцев из Константинополя, воссоздания Византийской империи. (В 1204 году во время четвертого крестового похода латиняне захватили Константинополь, земли Византии были поделены между феодалами Западной Европы). Расцвет царствования Палеологов (шестидесятые годы XIII в.) окружен блеском, радостью национального торжества. После долгой борьбы греческая нация вышла не раздавленной, но сплоченной. Православная Церковь, вынесшая на своих плечах борьбу, стала еще более родной и дорогой. Два столетия оставалось цвести золотой Византии. Закат царствования Палеологов (1453 г.) трагичен. При защите столицы империи во время штурма города турками последний царь ромеев Константин Палеолог погиб с оружием в руках. Эта была самая продолжительная династия на протяжении всей Византийской истории. В

начале царствования Палеологи предпринимали значительные шаги, чтобы вернуть утраченные земли. Такой землей был в первую очередь полуостров Пелопоннес, который ромеи называли Мореей. (Именно там располагалась славная древняя Спарта). В Морее и родилась наша героиня. Она была внучкой императора Мануила Палеолога и его супруги Елены, славянки из Сербии, дочерью деспота (правителя) Морей Феодора, племянницей последнего императора Византии Константина.

Дочь деспота Морей.

Девочку звали Еленой. Мистическое имя для земли древней Спарты. И, как положено, Елена ждала своего Париса, который бы увез ее за высокие горы и синие моря. Правда, город, в котором она росла, назывался не Спарта, а Мистра. Однако, дочь правителя Морей, деспота Феодора, хорошо знала историю своей земли и своего народа. На Пелопоннесе начиналась история великой Эллады. Здесь творил Гомер, Солон создавал свои мудрые законы, кипели споры в Афинском собрании, была пролита кровь в Марафонской битве, блистал век Перикла. Здесь зажегся светильник европейской цивилизации. А когда Святой Дух коснулся души Эллинского народа, этот светильник преобразился в Светоч, который воссиял чистым пламенем. Историю древней Греции она постигала на уроках учителя, мудреца Плифона, которого в семье деспота уважали и горячо любили. Мудрец Плифон часто бывал при дворе деспота, куда приглашались выдающиеся поэты, музыканты, ученые. И центром этого блестящего высокоинтеллектуального общества была мать Елены, деспотисса Клеопа Малатеста, урожденная итальянская принцесса. С замечательной красотой деспотисса сочетала высокие нравственные качества. Будучи католичкой, она вскоре перешла в православие, стала любимицей всех жителей Морей. Православная вера вошла в душу ее дочери Елены с рождения, ведь супруг деспотиссы, отец Елены Феодор, тоже был склонен к занятиям богословием, и даже одно время подумывал о том, чтобы принять монашество. Дед Елены, император Византии Мануил, глубоко изучал Священное Писание, за два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матфий. Вот в такой обстановке протекала детство маленькой царевны. Не в обычаях семьи Палеологов было воспитывать дочерей затворницами. Византийские принцессы всегда славились своей образованностью, великолепными манерами, тактом, дипломатичным расчетом. И еще женщинам рода Палеологов была присуща внутренняя свобода. Этот был тот византизм, которому выучиться было невозможно, но можно было обрести лишь при царском дворе. Двор же деспота Морейского не уступал царскому. Увы, детство царевны Елены не было безоблачным. Когда дочери едва исполнилось десять лет, умерла Клеопа Малатеста. Образ матери, нежной, кроткой, преданной, уважительной, дочь сохранила на всю жизнь в своем сердце. С ее смертью блеск двора деспота померк, да не только в светском блеске дело. Господь определяет людям жить на своей земле в разные эпохи: кому - в период подъема, кому - в период упадка, а некоторым - в трагичный период падения. Византия приближалась к своему концу, православная Атлантида погружалась в пучину. Черная турецкая туча надвигалась неуклонно, Византийская империя была обречена. И это не могло не отразиться на внутреннем мире людей, для которых Византия была Родиной.

Лузиньяны, короли Кипра.

Человеку свойственно надеяться на лучшее, верить и мечтать. Особенно, когда тебе шестнадцать лет, и так хочется любить и быть любимой. Юная Елена мечтала о большой любви. И она дождалась своего Париса. Действительность даже превзошла ее девичьи ожидания: он оказался не принцем, а королем! Звали его Жан, Иоаннис по-гречески. Король Кипра Жан Лузиньян уже был женат на девушке из рода Палеологов, младшей ветви царской семьи. Два года назад его супруга умерла, за время вдовства случился у него роман с красавицей - гречанкой Мариеттой, которая родила королю сына Якова. Романы на стороне - это одно, а вот законный брак – дело серьезное. И в Мистру отправляется посольство с предложением от вдовца-короля. Он сватается к юной Елене. Предложение принято и невеста отправляется на Кипр. Происходит пышное свадебное торжество: венчание Жана и Елены, затем коронование ее королевой Кипрской. На свадебном пиру во дворце Лузиньянов в Никосии до чуткой Елены донесся шелест слов: «Яков – бастард». Узнала она и о Мариетте. Но что было делать - только смириться. Знала бы королева, какую роль сыграет в ее дальнейшей судьбе Яков, когда станет взрослым. Ей выпал жребий быть супругой человека доброго, мягкого, слабовольного. Юная королева приступает к государственным делам. При этом она демонстрирует недюжинные способности. Шестнадцать лет она участвовала в управлении страной до такой степени, что ей было доверено возглавлять верхнюю Палату законодательного собрания Кипра. Как причудливо порой тасуется колода карт судьбы! Судьба Елены Палеолог на Кипре – это судьба ее матери Клеопы в Морее наоборот. На этот раз православная королева правит в стране, которая принадлежит католикам с 1192 года. На королевском гербе Лузиньянов - короны Армении, Иерусалима и Кипра. Генеалогическое древо рода Лузиньянов украшают имена знатнейших семейств Европы. Однако за пышным и нарядным фасадом нетрудно было разглядеть глубокие трещины, неустроенность. В то время как поколение за поколением короли бесплодно стремились вернуть себе земли Иерусалимского королевства, расчетливые венецианские и генуэзские купцы прибирали Кипр к своим рукам. И незадолго до приезда Елены король Жан с большим трудом при помощи Римского папы откупился от Египетского султана, который не раз совершал на Кипр опустошительные нападения.

« Самая мужественная и преданная».

В маленькой византийской церковке старый монах тихо говорит с королевой Еленой. Он рассказывает ей о святой царице, чье имя носит правительница Кипра.

-Какой она была?- спрашивает Елена.

Монах отвечает:

-Она всем помогала, каждый день творила добрые дела...

Елене кажется, что старец мог видеть святую Елену, такой он старенький, согбенный под тяжестью лет. Церковь в предгорьях Троодосских гор тоже очень древняя. Елена – имя

судьбоносное для Кипра. Королева чувствовала, что Бог привел ее сюда, чтобы защищать православие. И она это делала. Она видела умаление православной церкви на Кипре, переживала так, как переживает любой православный человек, видя страдания своей матери. Можно многое рассказывать о том тяжком периоде в истории Кипрской Православной Церкви, которому Елена Палеолог была свидетельницей. Но пусть говорят документы:

«Большое количество католического духовенства прибыло на Кипр. Католическая церковь стремилась через суровую и фанатичную политику латинизировать коренное православное население. В дополнение к издевательствам, преследованиям, репрессиям и различным ограничениям, которым с самого начала подвергли Кипрскую православную церковь папские завоеватели, жесточайшие меры были предприняты к кипрским православным монастырям». (Из книги «Монастырь святого Креста»).

Святая Елена стала идеалом кипрской королевы, она старалась помочь православному народу страны, и благодарила Господа, что муж-король не препятствовал ей, видя, что украшения, балы, блестящие приемы не являются в жизни Елены главным. Был у нее и союзник в нелегкой работе, ее сводный брат Фома, который служил при дворе короля Жана. Возник план у королевы возвысить его до кардинальского звания. Тут вознегодовал сам папа Римский. Не складывались отношения со Святейшим престолом у Елены, также когда - то и мать ее, католическая принцесса Клеопа, вызвала ярый гнев папы, перейдя в православие, став женой православного деспота Морей. Между тем, у королевской четы родилась дочка Шарлотта. Малютка была смышленным и подвижным ребенком, обещала быть красавицей. Впоследствии ее портрет будет увековечен на стенах Сикстинской капеллы в Риме. Подрастала дочка, подрастал и незаконнорожденный сын короля Жана Яков. Тревожные мысли о будущем дочери стали одолевать Елену. Яков не любил ее. Энергичный, одаренный юноша был обожаем отцом. Заговорил голос крови, заглушая доводы разума: «Удали своего бастарда!», - однажды властно бросила она резкие слова в разговоре с мужем. Но тут, всегда мягкий и податливый, король не только не подчинился своей умнице жене, но возвысил сына. Молодому Якову доверили финансовые дела Архиепископии. Он приобретал все больший вес при дворе кипрского короля.

1453 год: катастрофа.

И тут грянула беда. Хотя катастрофы ждали, черный май 1453 года был внезапным, как удар грома. Под натиском турецких захватчиков пал Константинополь. Дядя Елены Константин, последний император ромеев, был убит. Все померкло. Отступило на какое – то время все мелкое и суетное перед великой трагедией, обрушившейся на ее народ. Елена никогда не чувствовала себя так близко к православию, к простым людям. Она организовывала помощь беженцам, которые хлынули на Кипр. Ей так нужны были соратники и единомышленники. Где человек в первую очередь ищет сочувствия и помощи в трудную минуту? Конечно, в семье. Увы, она была одинока. Шарлотту выдали замуж за внука португальского короля. Блестящий брак не порадовал Елену, в зяте она нашла фанатичного католика, который не только не проявлял сочувствия к трагедии, которую переживал кипрский народ, будучи

народом греческим. Зять позволял себе дерзкие выпады против ее Веры. Неприязнь между тещей и зятем становилась все более заметной. Дочь Шарлота была совсем еще ребенком, ее выдали замуж в двенадцать лет. Несмышленная, она принимала сторону мужа, отчуждение с дочерью драматично возрастало. Вскоре молодая чета покинула дворец, чтобы поселиться в своей резиденции. И однажды муж Шарлоты был найден мертвым. Брат Фома, ее опора и надежда, был обвинен в убийстве. Вот тут-то Яков смог взять реванш, и отомстить ненавистной мачехе за все унижения, которые выпали на его долю, долю бастарда. В Шарлоте он нашел союзницу, ее настроили против матери. С Фомой жестоко расправились, предав казни. Все это подточило силы королевы. О ее кончине, и о кончине ее мужа можно сказать, перефразируя известное выражение: «Они были несчастливы, и умерли почти в один день». Как между Шарлоттой и Яковом началась война за корону, как Яков стал мужем Екатерины Корнаро, и умер при весьма загадочных и подозрительных обстоятельствах, - Елена не увидела. Ее земная жизнь завершилась вместе с гибелью Византии. С грустью вновь перелистываю страницы несуществующей повести под названием «Жизнь Елены Палеологини». Какой прекрасный женский характер, цельный, сильный, способный на самопожертвование. Сколько нереализованных возможностей. Промысел поместил эту удивительную женщину в кипящий поток страстей, в хитросплетения интриг, неутоленных амбиций. Что ж поделать, эпоху не выбирают, в ней живут. Перед мысленным взором проходит галерея кипрских королей из династии Лузиньянов. Неясны черты большинства из них, память стирает воспоминания о кипрских королях. Но прекрасное и звонкое имя доносится до нас из далекого XV века: Елена Палеолагиня. «Благородная византийская царица, королева Елена была самой мужественной личностью в кипрской истории. Она была мудрой, имела глубокий и острый ум. Она всей своей душой была предана православию», - так сказал о ней видный кипрский историк Клеантис Георгиадис.

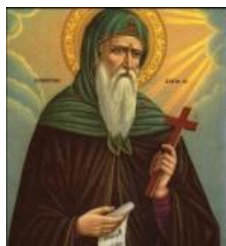
И вновь Хриссолиниотисса.

И символом этой преданности сегодня стоит храм с таким поэтичным названием: Богородица Златолюбная. И приходят в этот храм паломники, чтобы обратиться с горячей молитвой к Богородице у ее чудотворных икон, напиться благодатью в стенах древнего храма. Придем и мы, в наших молитвах вспомним православную королеву Кипра, мужественную и милосердную храмостроительницу Елену Палеолагиню. Не забудем и о том, что была она двоюродной сестрой Софии Палеолог, супруги Иоанна III, русского царя, бабушкой другого русского царя - Иоанна Васильевича Грозного. Вот, какие неожиданные исторические нити связывают наше Отечество и остров в Средиземном море по имени Кипр.

Глава четвертая.

Храм Антония Великого: русское эхо.

Храм великого пустынноика.

Я каждый раз испытываю огромное волнение, когда судьба приводит в места, хранящие многовековую память о событиях, некогда происходивших, о людях, когда-то бывавших там. Такие места не зря называют памятными. События, происходившие здесь, были значительными, а люди, вершившие их, – выдающимися. Таким местом является, безусловно, храм святого Антония Великого, еще один из драгоценных самоцветов в венце Лефкосии. Правда, далеко не все путеводители и их авторы со мной согласны. Прекрасный альбом «Кипр: история цивилизаций» (изд-во Кипрской Туристической Организации) в разделе, посвященном храмам столицы Кипра, вообще не содержит информацию о храме св. Антония. Столь любимая мною замечательная британская исследовательница Гвинет Партог прямо пишет: «Церковь св. Антония представляет весьма незначительный исторический интерес». Мне же этот храм дорог. Во-первых, благодаря святому имени Антония Великого (примерно 250 – 350 гг) В редком кипрском храме мы не встретим его икону, во всех монастырях его святой образ сияет в иконостасах. Он был уроженцем верхнего Египта. Отец монашества, святой Антоний в юности раздал свое имение бедным, удалился в пустыню, где вел жестокую борьбу с искушениями плоти. Он стал отшельником. Лишь изредка, например, во время гонения христиан в 311 г., он появился из своего уединения и был восторженно встречен народом как святой. Когда ученики последовали за ним в пустыню и построили свои жилища вблизи него, подвижник проповедовал им молитву и труд. Его житие полно рассказов о совершенных им чудесах, исцелениях, изгнании бесов. О мужественных борениях и духовных победах.

Еще мне дорог храм св. Антония потому, что хранит он следы дорогого мне человека, «москвиты, гражданина Киева», как он сам себя называл, нашего соотечественника Василия Григоровича-Барского, который посетил этот храм двести девяносто лет назад, весной 1727 года. Изучению наследия этого выдающегося исследователя, путешественника, просветителя отданы годы нашей жизни. Путь его по Кипру мы повторили, издали книгу «Паломничество на Кипр православный, по стопам Василия Григоровича-Барского». И за годы исследований так сроднились с судьбой и трудами этого человека, что, кажется, и впрямь знали его лично. Давайте пройдем часть его пути вместе, и путь этот приведет нас в столицу Кипра, в храм св. Антония Великого. Но вначале мы мысленно перенесемся в палестинский порт Яффу, чтобы встретиться с нашими героями...

На пути в Дамиэтту.

17 апреля 1727 года от берегов Палестины отчаливал корабль, путь которого лежал в Дамиэтту (ныне Думьят), портовый город на севере Египта в дельте Нила. Два пассажира подружились в пути. Один, грек зрелый годами, был иеромонахом со Святой горы Афон. Звали его Дионисий. Он путешествовал, собирая милостыню для родного монастыря. Второй

путешественник был молодым паломником, киевлянином лет двадцати пяти. Звали его Василий Григорович-Барский. Несмотря на свой молодой возраст, Василий был уже бывалым путешественником. Родной дом в Киеве он покинул в возрасте 22 лет, не убоившись гнева отца, зажиточного купца. С юных лет Василий мечтал «видеть свет и других людей обычаи», однажды отправился во Львов, оттуда прошел всю Европу. Путешествовал Василий, собирая «Христа ради» милостыню. Нисколько этого не стыдился, считая, что молясь у святынь христианского мира за весь этот мир, совершает благое дело. Кроме того, наш паломник завел путевой журнал, в который вносил свои записи о странах и святынях в них находящихся и даже зарисовывал места, которые казались ему особенно интересными. Наш герой побывал в Вене, затем в Венеции и Бари, где поклонился мощам свт. Николая. Затем паломник Василий добрался до Рима. Позднее он прибыл на Корфу, где поселился при храме свт. Спиридона Тримифунтского. Паломнические пути-дороги привели его и на Афон, и в Иерусалим. В пути он не проводил время праздно, но, совершая молитвенный труд, изучал языки. И уже хорошо знал латынь, умел объясниться на греческом и арабском. Теперь целью Василия было паломничество к святым местам Египта. Планов было много: хотелось посетить гору Синай и монастырь св. Екатерины. Мечтал и о пустыне, где подвизался Великий Антоний. Путь до Дамиэтты обещал быть недолгим, пара дней. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Дамиэтта была уже близка, как поднялся сильнейший ветер и стал относить корабль в противоположную сторону от цели плавания. Капитан прилагал все усилия, шесть дней болталось судно вместе с несчастными пассажирами по волнам, то приближаясь к Дамиэтте, то отдаляясь от нее. Между тем, провизия и запасы пресной воды подходили к концу, капитан уже не выдавал воду для питья, а только для увлажнения губ. В конце концов, было принято решение причалить к кипрским берегам, чтобы отдохнуть и пополнить запасы воды и продовольствия. Вот тогда наши герои и приняли решение более путь не продолжать, сойти на кипрский берег, чтобы предпринять паломничество к кипрским святыням. Так и оказались они в Лимассоле, откуда отправились на мулах в Никосию.

В столице Кипра.

Это сегодня мы преодолеваем расстояние на автомобиле по скоростному шоссе от Лимассола до Никосии за час. Наши путешественники добирались на своих неспешных четвероногих помощниках целых три дня. Ночевали на постоялых дворах. Изрядно приустали. Наконец-то показались пригороды главного города острова. Зной еще не припалил весенний Кипр, сады пригородов были в обрамлении изумрудной оправы зеленых полей и лугов. Василий залюбовался Лефкосией. Святогорец Дионисий уже на Кипре бывал ранее, поэтому немного рассказал Василию о городе:

-Ты, брат Василий, не удивляйся, что град сей ветхим покажется. Было время была Лефкосия зело прекрасна. Агаряне (так во время Григоровича-Барского называли турок-захватчиков – прим. авт) когда взяли Лефкосию, всю ее опустошили и разорили. Церквей же христианских только девять. Но зато архиепископ православный здесь живет. Мы сразу к нему и пойдем, Господь даст, он нам и помощь окажет.

Наконец показались и массивные стены Лефкосии.

Наши странники приблизились к внушительным въездным воротам столицы Кипра.

-Нам повезло, что выехали пораньше, до заката успели, а то стража бы не пропустила нас в город, - заметил Дионисий.

Действительно, у ворот стояли янычары. Путешественники спешили. Стражники проверяли патенты (документы, удостоверяющие личность входивших или въезжавших в

Лефкосию). «Своими очами скверными, сено и овано» (так написано у Григоровича-Барского – прим. авт.) янычар внимательно просмотрел документы наших странников, отрывисто задал несколько вопросов и они смогли, наконец, войти.

-Ну, брат Василий, прибыли мы, наконец, с Божьей помощью в Лефкосию. Уж на что кипрские ослики выносливы, да и те приустиали, сейчас мы их напоим-накормим, сами передохнем, и отправимся на архиепископский двор.

-А где это мы отдохнем? – спросил Василий.

-Да вот здесь, в Нижних воротах, называются они Порты Джулиано, их еще венецианцы строили, - объяснял иеромонах. - Я точно такие же ворота видел на Крите, в Кандии.

Василий в который раз порадовался, что у него такой сведущий спутник. Наши путники спешили, зашли в арочный проход внутрь, оказавшись в просторном продолговатом помещении более двадцати сажен в длину. Медлить они не стали, до вечерней службы хотели увидеться с архиепископом Сильверстом. По дороге Дионисий рассказал, что при правлении латинян-католиков, а они владычествовали на Кипре чуть ли не четыреста лет, православная Церковь подвергалась гонениям едва ли не большим, чем теперь.

-Архиепископию упразднили, епископов сослали в дальние деревни и не разрешали им их покидать. Имущество пришли и забрали, как тати непотребные. Но киприоты оказались сильны духом. На мученичество шли, но веры своей не изменил. - рассказывал Дионисий.

-А как теперь им живется?

-Да непросто, но хотя бы восстановили Архиепископа, он перед турками отвечает за свой народ, защищает его. Сильвестр славный пастырь, храмы строит, помогает народу, сколько возможно. А живется-то ох, как непросто.

У иконы святого отшельника.

...Вечером того же дня Василий пришел в храм святого Антония. Когда-то это был монастырь. А сегодня – приходской храм. Кельи никуда не делись. А вот монастырь опустел. «Нелегко братьям православным под турецким ярмом», - размышлял Василий. Он занял место в стadiи, церковном стуле с откидным сидением. Сидеть он в храме не привык, на родине, в Киеве, в церквях народ стоит, и стар, и млад. Но сейчас он был благодарен такой кипрской традиции. Сиденье он откинул, образовалось небольшое место для стояния, а большое ему и ни к чему, зато можно к стенке притулиться. Василий прикрыл глаза, картины дня проносились перед мысленным взором: приезд в Лефкосию, проверка документов свирепым янычаром, приход к дому архиепископа, отрадная встреча с Предстоятелем Кипрской православной Церкви. Дом архиепископа был двухэтажным, очень скромным. Его святейшество Сильвестр был приветлив, внимательно выслушал сначала Дионисия, и отправил его вместе с монахом-келейником в дальнюю комнату. По сияющему виду брата Дионисия было понятно, что помощь его монастырю будет оказана. Затем архиепископ стал расспрашивать Василия о семье, отчизне, странствованиях. Василий все рассказал без утайки, признался, что записывает свои впечатления. Рассказал и о встрече на Корфу с Патриархом Иерусалимским. Его святейшество Хрисанф прибыл на Корфу, чтобы собирать милостыню, так тяжело христианам жилось под властью агарян.

Архиепископ тяжело вздохнул и проговорил:

-Вот ты, сын мой, и примечай все, записывай. А дома в российской земле расскажешь, как нам живется в неволе.

Когда рассказ дошел до путешествия в Иерусалим, Василий сказал:

-Мы грядом пешими из Яффы... - тут он помедлил, а потом рассказал, как напали на группу паломников арабы, избili и ограбили.

Архиепископ сочувственно выслушал, а потом испытующе спросил:

-Сын мой, ты теперь, наверное, никому и не посоветуешь в Иерусалим отправляться, ведь опасно-то как?

Юноша ответил горячо и взволнованно:

– Но всякому богатому и убогому советую не ужасаться, путешествовать ко святому граду Иерусалиму... (здесь автор не удержалась и привела подлинные слова Григоровича-Барского, ибо нельзя не залюбоваться выразительности нашей старинной речи - прим.авт.)

Архиепископ улыбнулся его горячности так светло, что Василию стало на душе легко и радостно. И ночлег им предоставили, и трапезу. Но самое главное – получено архиерейское благословение на паломничество по Кипру...

Ночевать их привели в гостиницу при храме святого Антония. Василий свои немудреные пожитки оставил в келье, а сам пошел в храм. Вот-вот начнется вечерняя служба, а пока никого нет, и он один на один с древним храмом. «Вот ведь как, думал, попаду Египет, в пустыню, где святой Антоний подвизался, а Господь привел в обитель святого Антония на Кипре», - размышлял наш герой.

Василий приблизился к иконостасу, в храме был полумрак, лишь в свете пламени нескольких свечей можно было увидеть лики святых. Справа в иконостасе – большая икона Богородицы Одигитрии. Она указывает путь ко Господу. Он, Василий, стремится идти этим путем. Слова молитвы шепчут губы: «Богородице Дево, радуйся...». А потом в душе рождаются свои слова:

«Мати Божия, все ли я делаю правильно, укажи мне путь, чтобы мог по мере сил трудиться во Славу Твоего Сына?» И в тот момент почувствовал Василий, как будто кто-то справа на него смотрит, повернулся и изумился: словно живой на иконе во весь рост стоит сам святой Антоний Великий, основатель монашества. Икона большая, старинная. Взгляд у Антония строгий, но милостивый. Словно призывает он Василия. Тогда Василий и подумал: «Не монашеская ли стезя ждет меня? Может быть, промыслительно оказался я в этом храме у образа святого отшельника, на которого указала Пресвятая Дева Одигитрия?!»

Пал на колени пред образом Антония наш паломник:

«О великий угодниче Божий, преподобие отче Антоние! Яко имеяй дерзновение ко Владыце Христу и ко Пречистой Его Матери, буди о мне недостойном Василии, молитвенник теплый, заступая меня от всяких бед и напастей, да твоими молитвами невредимы от враг видимых и невидимых пребуду».

Промысел Божий

На Кипре провели наши странники три месяца. Побывали в Ларнаке и Лимассоле, в Троодосских горах. Молились в великом Киккском монастыре и у святого Животворящего Креста в монастыре Ставровуни. Паломничали и по земле Морфу, в монастыре святого Маманта. В июле на французском корабле они отчалили от кипрских берегов, чтобы плыть в Александрию. В те дни Василий размышлял о своем будущем. Его юношеские мечты сбылись: он увидел самые великие святыни христианства. Может быть, пора и домой, в родной Киев? Подумает так Василий, а перед мысленным взором встает Одигитрия из маленького кипрского храма святого Антония, и вновь охватывает его то неясное предчувствие, которое он пережил уже однажды у иконы святого отшельника. Наш герой предчувствовал, но он не знал, что произойдет семь лет спустя. Первого января 1734 года в день Василия Великого, его небесного покровителя, будет Василий пострижен в монахи. Совершит пострижение Патриарх Антиохийский. Знаменательно, что звали патриарха Сильвестр, так же, как и кипрского архиепископа, который некогда благословил Василия на паломничество по святой кипрской земле. И это еще не все промыслительные события. В том же 1734 году иное Василий вновь прибудет на Кипр, чтобы совершить продолжительное

паломничество к святыням острова. Пренебрегая опасностями, он пройдет сотни верст, изучит историю Кипра и его православной Церкви, подробно опишет все свое путешествие и сделает замечательные рисунки храмов и монастырей. Эти путевые заметки займут достойное место в его книге «Странствования по святым местам Востока». Книга эта прославит имя нашего паломника. И трехсотлетие со дня его рождения будет отмечено торжественно и в Москве, и в Киеве, и на Кипре. А книгу с увлечением и сегодня читают любознательные путешественники, отправляясь по стопам Василия Григоровича-Барского.

Спустя двести девяносто лет.

Отправились однажды в паломничество и мы. У Porta Джулиано (ныне Ворота Фамагусты) оставили свой автомобиль, дальше - пешком к резиденции архиепископа Кипрской православной Церкви – Архиепископии. Сегодня это нарядный дворец в византийском стиле. А вот и старая резиденция, в которой и встречался наш соотечественник с архиепископом Сильвестром. Это совсем небольшое строение, в котором сегодня находится этнографический музей. С любезного разрешения руководства музея прохожу по его небольшим залам, поднимаюсь на второй этаж. Старинная лестница помнит шаги многих замечательных пастырей кипрского православного народа, помнит она и шаги нашего паломника из Киева. Совсем рядом квартал святого Антония, это уютная улочка, вдоль которой стоят дома, построенные в 18 веке. По этой улочке некогда шел наш земляк в храм святого Антония. Через несколько минут мы оказываемся у храма. Он маленький, крытый черепицей, однокорпусный, такой трогательный, смиренный. С волнением захожу под его своды, ищу взглядом икону святого Антония, приклоняю колена перед чудесным образом. Он по-прежнему, как и двести девяносто лет назад, на южной стене, справа от иконостаса.

«О великий угодниче Божий, преподобие отче Антоние! Молитвенник теплый, заступая нас от всяких бед и напастей, да твоими молитвами невредимы от враг видимых и невидимых пребудем». Творим молитву, как и наш соотечественник в 18 веке. Память же вдруг подсказывает слова, которые были когда-то выучены, но не поняты, а в сей миг стали яснее ясного: «Время содержит вечность и содержится ею. И ничто не исчезает, однажды сверкнувши во времени». Это слова протоиерея Сергея Булгакова словно сказаны и о нашем герое и храме, в котором настигло его предчувствие судьбы, и о каждом из нас.

«Сияет в сем мире аки солнце»

Однажды судьба Василия Григоровича Барского сверкнула здесь, под сводами храма чистой молитвою, а потом продолжилась хождениями по святым местам во славу Божию и описанием этих мест, честно и богоугодно. И не исчезла, но содержится вечностью, и сияет нам оттуда, из заоблачных вершин Небесного Отечества, уча любви к вере православной, к Матери Церкви. Услышим, как этот замечательный путешественник и просветитель воспел Православную Церковь и пусть эти слова станут поэтическим гимном и золотому венцу Лефкосии, с ее удивительными храмами:

«Стоит бо недвижимо, аки гора, красится красотою аки невеста, сияет в сем мире аки солнце, светя на благия и злыя, пребывает тверда аки адамант, процветает аки крин посреди терния, горит всегда непрестанным пламенем любви, яже к Богу...»

Глава пятая.

Икона в пространстве музея.

«Каждая икона несет в себе мощный нравственный заряд. Икона напоминает современному человеку, что помимо того мира, в котором он живет, есть еще иной мир...» (Митрополит Иларион (Алфеев) из книги «Богословие иконы в православном храме)

Размышления на пороге музея.

Говоря о девяти старинных православных храмах, которые мы назвали «Золотым венцом Лефкосии», нельзя не сказать об уникальной сокровищнице. Это Византийский музей Фонда им. архиепископа Макария III. Находится он в нескольких минутах ходьбы от храма Антония Великого рядом с кафедральным собором Иоанна Богослова. Здесь экспонируются драгоценные иконы, созданные на протяжении веков, фрески и мозаики, являющиеся шедеврами византийского искусства. Как отнестись к экспозиции, в которой размещены иконы? И правомерно ли такое размещение? Не впервые ищу ответ на этот вопрос. И всегда настигает меня давнее воспоминание ...

Впервые в Третьяковскую галерею привели меня родители в раннем детстве. Наша семья (папа – молодой лейтенант и мама - служащая Советской Армии), была в Москве проездом, ехали по назначению из одного дальнего гарнизона в другой, еще более дальний. В столице была недолгая остановка-пересадка, и родители поспешили в Третьяковку. Это было их первое знакомство с великим музеем. Родителям хотелось как можно больше увидеть. А мне, четырехлетней, наверное, было скучновато, но послушно шла я, держа маму за руку. И вдруг мой громкий плач оторвал маму от созерцания картин репинского зала. Что так встревожило детскую душу? Ужас на лице Иоанна Грозного, убившего сына, заставил меня расплакаться и крепче сжать мамину руку. Моя молоденькая мама знала, что делать. И вскоре мы оказались в отделе древнерусской живописи. (Так называлось хранилище старинных икон). По рассказам мамы, я успокоилась у иконы с ликом Владимирской

Богоматери. Столько любви и доброты лилось из Ее очей, что детские безотчетные страхи улетучились, а тревоги утихли. Эти два эпизода сохранила память на всю жизнь. Сохранила память и Образ Богородицы Владимирской. Спустя годы, уже будучи взрослой, с сыном – первенцем на руках, вновь пришла к Владимирской иконе. Тогда Она находилась еще в музейном зале Третьяковки. Молилась подле иконы про себя, гася в душе недоумение: почему эта чудная икона не в храме? «Икона в музее» - тема, которая вызывает много споров между верующими людьми и музейщиками. Начиная с 787 года, когда на Седьмом Вселенском соборе был принят догмат о почитании икон, верующие люди воспринимают святыне образа как отражение Горнего мира, как мир молитвы, в котором происходит преображение души молящегося. В музее иконам не поклоняются, подле них не молятся, но любуются ими как произведениями искусства. В музее посетитель пораζεται выразительностью рисунка, гармонией света, цветовыми оттенками, легкостью линий. Автор, не будучи ни богословом, ни искусствоведам, вовсе не претендует на участие в многолетнем споре о том, только ли в храме место святых образов. Ведь в церкви невозможно изучение и консервация, научная реставрация и профессиональное хранение. А в музее - как творить молитву при нашей духовной немощи? На всю жизнь запомню, как однажды посчастливилось сопровождать в паломничестве Католикоса-Патриарха Илия II, предстоятеля Грузинской Православной Церкви. Подле иконы в музее византийского искусства Патриарх остановился, вначале мне показалось, что он глубоко задумался, а потом пришло понимание – он молился, беззвучно, но так глубоко и так сердечно, что, казалось, я услышала его молитву. Но это в музее был человек величайшей духовной мощи. Мы же всегда в музее перед святыми образами чувствуем некоторую неловкость, какую-то безотчетную вину. Место иконы в храме, ведь святой образ – часть литургической жизни Церкви. Но порой судьба, часто трагическая, приводит икону в музей. Здесь каждое прикосновение к ней, взором ли посетителя, словом гида, кистью реставратора должно быть деликатным, почтительным, ведь это освященное изображение. И если икона находится в музее, будет лучше всего, если экспозиция разместится подле храма, как в Византийском музее Фонда Архиепископа Макария III.

Как иконы приходят в музеи?

Это происходит в годы лихолетий, когда рушатся храмы, а люди иконы спасают, прячут их, если возможно, передают в музеи. Нам в России надо поклониться тем музейщикам, которые в стенах музеев сохранили православные сокровища. Не вина хранителей музеев, реставраторов, что храмов не стало, а наша общая беда. Кипр тоже пережил гонения на иконы во время турецкого ига. Выколотые глаза святых на уникальных фресках во многих кипрских храмах лучше многотомных трудов расскажут без слов о трагедии той поры. Промыслительна история коллекции Музея Византийского искусства Культурного Фонда им. Макария III. В 1967 году сорок восемь подлинных шедевров кипрской иконописи (часть из них были взяты для экспозиции из храмов, расположенных на севере острова), составили экспозицию, которую решили представить европейской общественности. Кипр, недавно обретший независимость, хотел познакомить мир со своим духовным и художественным наследием. Передвижная выставка «Сокровища Кипра» стала настоящей сенсацией. Вначале выставка экспонировалась в Париже, затем и в других европейских странах. А в 1974 году произошла трагедия: север страны был оккупирован незаконным турецким режимом. Урон культурному и духовному наследию острова на оккупированных землях был нанесен весьма значительный. Иконы, мозаики, фрески уничтожались или продавались черным дилерам. Собранные воедино для экспозиции за рубежом, сокровища иконописи

содержались вместе. Благодаря этому они были спасены от разграбления и уничтожения. Так ценные произведения иконописи, происходящие из ныне оккупированных земель Кипра, стали ядром экспозиции Музея.

Экспозиция.

Она представлена в хронологическом порядке: здесь мы увидим иконы XII века, когда византийская иконопись переживала небывалый расцвет, увидим иконы других периодов вплоть до XX века. Многие иконы имеют давние повреждения, с них нечестивцы сдирали серебряные и позолоченные оклады, и в этих местах утрачен живописный слой вплоть до дерева. Этот касается образа Богородицы из храма, который мы с Вами недавно посетили (храм Хрисалиниотиссы, XIII век). Из того же храма в музее есть совершенно уникальная и редкая икона Богородицы XVI века: икона двух ипостасей Богоматери, держащей Младенца: Любви и Печали. Самыми почитаемыми на Кипре, как и в России, с далекой древности и до нашего времени остаются образы Спасителя, Богородицы, свв. Николая и Георгия. Поразили меня двусторонние иконы. В России мне таких видеть не доводилось. А на Кипре такие иконы не редкость. Традиционно, эти иконы в храме устанавливают в алтаре за престолом. Во время крестного хода их выносят и верующим становятся видны обе стороны с изображениями. Иногда двусторонние иконы стоят и в самом храме, в особых киотах. Важная часть экспозиции посвящена возвращению похищенных религиозных сокровищ на Кипр. Речь идет о фрагментах мозаик из храмов Богородицы Канакарии из Литрагоми (VI в.), св. Евфимины из Лисси (XIII в.), а так же о фрагментах настенных росписей из храма Антифонитис в Калогреа (всего 36 сцен с иконографией Спасителя, Богоматери с Предстоящими, а так же с изображениями византийских императоров и кипрских святых (XVI в.) Все они были похищены из церквей и часовен, находящихся на оккупированных в настоящее время территориях острова.

Огромное впечатление произвели на меня ранневизантийские мозаики V – VI вв. из храма Богородицы Канакарии. Господь Иисус Христос был изображен необычно, в виде прекрасного юноши. А как выразительны лики апостолов! Они индивидуальны, исполнены живой экспрессии! Благородная цветовая гамма, мастерство мозаистов юной Византии, - все это завораживало. А когда я узнала историю мозаичных икон, то еще раз вернулась, чтобы рассмотреть мозаики с чувством радостного обретения. Когда турецкие войска вошли на Кипр, мозаики были выломаны контрабандистами и проданы американскому дилеру за 1,2 млн. долларов США. К чести киприотов, они следили и следят внимательнейшим образом за судьбой похищенных святынь. В конце концов, в 1990 году Кипрская Православная Церковь подала в суд на американскую компанию «Голдберг & Фельдман Файн Арт Инк», во владении которой мозаики находились. Федеральный суд штата Индианаполиса принял дело к рассмотрению и постановил: мозаики должны быть возвращены их законному владельцу. Так эти шедевры вернулись на Кипр и оказались в экспозиции Музея.

Благотворители .

А еще в музее есть возможность, которой нет в храме: возможность мысленной встречи с иконописцем, более близкое знакомство с его работой, его художественными приемами. Разве в храме будешь рассматривать лик святого? Нет, конечно, не посмеешь, прикоснешься губами к краешку, обратишься с молитвой и смиренно отойдешь, скорбя о своих неисчислимых грехах. А в музее иду неспешно по залам, любуюсь иконами, замечаю на

некоторых изображения благотворителей и ктиторов, тех людей, на средства которых иконы были созданы, а храмы построены. С благодарностью думаю о них, киприотах разных эпох, которых объединяет любовь к Христу и его святым, желание помочь Церкви или вознести молитву за родного усопшего. Очень тронула икона Господа Вседержителя с предстоящими ангелами, созданная в XIV-м веке. У ног Христа в нижней части иконы изображены супруги Мануил Ксероса и Евфимия. Воздели они руки ко Господу, молятся о своей дочери Марии, которая безвременно покинула наш мир. И Мария изображена на иконе. Красавица, в нарядных одеждах. Как же остро чувствуется и скорбь родителей, и их безусловная вера, что Мария упокоится в Царствии Небесном, где «несть болезней и печали». Привлекла внимание и еще одна икона, на которой были изображены благотворители. На этот раз это была икона Богородицы Одигитрии с предстоящими жертвователями. Видя мой интерес к изображению, подошла девушка-консультант. Повела мне много интересного. Оказывается, икона особенная. Это великолепный пример кипрской иконописи периода венецианской оккупации, когда продолжал развиваться итало-византийский стиль. Датируется икона 1529 годом. Выяснилось, что неизвестный художник мастерски использовал темный цвет для нанесения теней, когда изображал Лик Богородицы, очень деликатно высветлил нежно-розовым оттенком Лик Пресвятой Девы. Особенное внимание уделено на иконе жертвователям. Они изображены в нижней части иконы. Это мужчина и женщина, которые молятся у храма. Видимо они и есть его ктитеры. Храм покрыт черепицей, имеет высокую готическую колокольню. На стене храма помещена небольшая икона Богородицы Гликофилусы («Сладкомилующая»). Одеты жертвователи по венецианской моде того времени: мужчина в плаще, пристегнутом к куртке, из-под которой выглядывает белая рубашка – камичи. Женщина в темном верхнем платье с украшенными знаменитым венецианским кружевом длинными прорезями для рук. В Венеции в то время был в моде золотистый цвет волос, как у нашей дамы. Волосы уложены в замысловатую прическу. По всему видно – жертвователи люди знатные и богатые, но пред иконой Богородицы приклонили смиренно колени. У женщины в руках четки, оба молятся.

-Эта икона их храма святого Кассиана, - сказала девушка-консультант, из этого храма у нас в музее хранится еще несколько икон.

-А где этот храм находится? - спросили мы.

-Да здесь недалеко, у самой зеленой линии (демаркационная линия, которая разделяет столицу Кипра), - ответила девушка

Конечно, нам тут же захотелось отправиться в этот храм. Так оказались мы в обители святого Кассиана Римского, где нас благословили надеть его шлем, узнали мы и о других кипрских святых с этим именем. Но обо всем по порядку.

Глава шестая.

Шлем Святого Кассиана.

«Итак станьте, препоясав чресла ваши истинною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.(Еф.6:17)

Оказалось, что храм святого Кассиана Римлянина построен в 1842 году на месте его предшественника, сожженного в 1570 году во время турецкой осады. А еще мы узнали, что почитают на Кипре трех святых Кассианов. Причем, двое из них - местночтимые кипрские святые, а один - Кассиан Римлянин, мощи которого хранятся во Франции. А в Лефкосии в храме есть многоценная реликвия: его шлем. Считается, если при головных болях возложить этот шлем на голову с молитвой святому Кассиану, помощь непременно придет. Вот так на Кипре всегда, стоит лишь прикоснуться к святыне, как чудесным образом открываются глубины веков, широты географических просторов, являются чудеса и оживают образы святых подвижников и обычных людей, живших столетия назад. И звучит многоголосие эпох, поражая гармонией и духовной красотой. Все это я называю магией Кипра. Прежде, чем отправиться в храм святого Кассиана, решили мы разобраться, во имя какого Кассиана сооружен был храм в Лефкосии.

Святой Касьян в Саратовской глубинке.

В памяти, между тем, ожили некоторые детские воспоминания. В детстве много времени проводила я в Саратовской области в деревеньке Данилкино у бабушки и дедушки, людей глубоко верующих. Имя святого Кассиана я слышала в детстве в некотором фольклорном ключе. Дело в том, что дедушка в своей речи использовал много присловий и поговорок, связанных с православными праздниками и святыми. Так, когда ему что-то было не нужно, он мог сказать: «Это мне как вареники в Петров пост». Дедушка никому не завидовал, и не любил, когда другие это делали, говоря: «Касьян на что не взглянет – все вянет». Поговорку я запомнила, а вот кто такой этот самый Касьян - не знала. Спустя много-много лет попалась мне книга «Русский традиционный календарь». Исследовательница Некрылова сделала интересную попытку объединить в своей работе русский земледельческий и церковный календари. И вот на страницах этой книги я вновь встретила с неведомым Касьяном. Оказалось, что речь идет о преподобном Кассиане Римлянине, духовном подвижнике и писателе, который жил в четвертом веке. День памяти св. Кассиана празднуют раз в четыре года, так как выпадает он на 29 февраля, то есть в високосные годы. В народе бытовало поверье, что високосный год – неблагоприятный, чреватый различными бедами, напастями, природными и социальными катаклизмами. Отношение к високосному году наложилось и на отношение к святому. В народном восприятии святой Кассиан - это Касьян немилосердный, завистливый и злопамятный. Такие представления бытовали во многих губерниях России. Например, на Вологодчине и сегодня о завистливом человеке говорят: «Экий ты Касьян!». На всю Россию нет ни одной церкви во имя этого святого, удалось мне обнаружить только придел св. Кассиана в курской церкви свт. Николая.

Святой Кассиан Римлянин.

Такая неоднозначная оценка в народном календаре, конечно, никоим образом не соотносится с житием святого. А кто же такой святой Кассиан, где он родился, где подвизался, чем прославился? Засела я за православные энциклопедии, справочники, житийную литературу. И сколько же интересного и нового для себя узнала...

Его имя было Кассиан, что в переводе с латинского значит «шлемоносец». Родился мальчик в провинции римской империи Малая Скифия в богатой благочестивой христианской семье около 360 г. Кассиан получил хорошее образование классического типа: он был сведущ в философии и риторике, античной поэзии и астрономии. Знал греческий и латинский языки. Но самое главное: правила Веры, христианскую нравственность впитал с молоком матери. А еще ему была свойственна неумная жажда духовного делания. И вот вместе с лучшим другом Германом отправляется Кассиан в паломничество в Святую землю. Тогда в Вифлееме, недалеко от Святой Пещеры, где произошло чудо Рождества Христова, находился монастырь. Там наши герои и поселяются, став послушниками. Затем ради служения Господу Кассиан и друг его Герман принимают монашество. В те времена в христианском мире были известны египетские отцы-отшельники, которые удалялись в пустыню и вели строгий образ жизни, предаваясь молитвам, исполняя посты. Около 390 года Кассиан и Герман, наслышанные о необычайных подвигах египетских отцов, решились отправиться в паломничество по египетским монастырям, желая, как Кассиан в последствии писал «достичь большей благодати и совершенства». В общей сложности друзья-иноки прожили на египетской земле около десяти лет. Странствуя по Великой пустыне, палестинские иноки посвящали все свое время, помимо собственного монашеского служения, встречам и беседам с прославленными египетскими старцами, запоминая и записывая бесценные рассказы о духовном опыте аскетов, населявших Верхний Египет. Некоторые нестроения в среде монашества, а также неумное желание обрести Истину заставили Кассиана и Германа покинуть Египет. Иноки нашли себе прибежище в Константинополе. В столице друзей представили святителю Иоанну Златоусту. Вскоре Архипастырь рукоположил Иоанна в диакона, а Германа, как старшего по возрасту, в пресвитера. Благотворное влияние святителя было столь важным для Кассиана, что он взял имя себе Иоанна Златоуста и стал с тех пор именоваться Иоанн Кассиан. Когда Иоанн Златоуст подвергся гонениям, Кассиан и Герман в составе особого посольства весной 405 года были посланы в Рим, хлопотать о содействии Святителю. Миссия успеха не имела, но Иоанн Кассиан остался на Западе. С того времени в его имени появляется еще составная часть «Римлянин». В дальнейшем он поселился в городе Массилия (ныне Марсель) в Галлии (на юго-востоке современной Франции). Кассиан стал священником, основал по образцу египетских два монастыря, мужской и женский. Многоценно духовное наследие Кассиана. Он написал двенадцать книг об основании монастырей и «Десять бесед с отцами-пустынниками». Своим современникам на Западе он дал образцы общежительных монастырей и познакомил их с духом подвижничества православного Востока. Вот только несколько тем, которые поднимал св. Иоанн Кассиан в своих трудах: о совершенной любви, о чистоте, о Божией помощи, о разумении Писания, о дарованиях Божиих, о дружбе, об употреблении языка, о четырех родах иноков, о жизни

отшельнической и общежительной, о покаянии, о посте, о ночных искушениях. И сегодня его труды вызывают огромный интерес, являясь важным вкладом в развитие богословской мысли. Изучая наследие Иоанна Кассиана Римлянина, довелось мне прочитать его строки о молитве. Как же важны они для каждого из нас: *«Посему, чтоб молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, вот что следует всячески соблюдать: во-первых, всякая забота о вещах плотских всеконечно должна быть отсечена; потом – не только хлопотание о каком-либо деле или случае, но даже и память о том отнюдь не должны быть допускаемы, равно как развлечение, пустословие, или многословие, и шутки должны быть пресечены, паче же всего смятение от гнева или скорби совсем подавлено, пагубное возбуждение плотской похоти и влечения сребролюбия – с корнем исторгнуты».*

В 435 году Иоанн Кассиан Римлянин почил о Господе и был похоронен в основанном им монастыре. Ныне его мощи почивают в аббатстве св. Виктора в Марселе. Молимся св. Кассиану о ниспослании дара рассуждения.

Римские папы в Авиньоне.

Египет не так далек от Кипра, но о св. Кассиане киприоты узнали не из Египта, где подвизался преподобный. Исследователи считают, что св. Кассиан стал известен на Кипре во время правления здесь франкской династии Лузиньянов, точнее в правление короля Пьера Первого. Тогда же появился на Кипре и шлем святого Кассиана. Чтобы узнать об этом поподробнее, мы должны будем из века четвертого перенестись в век четырнадцатый. И отправимся мы в юго-восточную часть Франции, где в городке Авиньон, 29 марта 1363 года папа Римский Урбан V ожидал прибытия короля Кипра Пьера I Лузиньяна. Встреча должна была пройти в Папском дворце Авиньона. Но почему в Авиньоне, а не в Риме? О, это история интереснейшая, получившая название «авиньонское пленение пап». Пленение длилось с 1309 по 1378 г.г. Но кто же посмел наследников апостола Петра лишить Рима? Еще совсем недавно средневековая Европа жила по незыблемым правилам. Короли правили, крестьяне и ремесленники гнули спины на феодалов и владели нищенское существование, рыцари отправлялись в военные походы, купцы торговали. И весь этот пестрый и многообразный мир освещался, как солнцем, Папой Римским. Он обладал высочайшим авторитетом, мог отлучить от церкви даже короля. Увы, сами папы далеко не всегда были образцом христианского благочестия. И вот однажды папа Бонифаций VIII вздумал проучить французского короля Филиппа IV Красивого за своеволие. Король, однако, не покорился, более того, он отправил своих вооруженных людей, которые пригрозили папе арестом и расправой. Бонифаций VIII пережил шок, сошел с ума и вскоре умер. Кардиналы избрали нового французского папу и тот решил остаться в родной Франции, опасаясь ехать в Рим. Семьдесят лет папы пребывали во Франции, далеко не всегда добровольно, не всем было по душе жить «под защитой французского короля».

Урбан V.

Но вернемся в мартовский день 1363 года. Папа Урбан ожидал встречи с кипрским королем, о котором был, конечно, наслышан. Вездесущие купцы рассказывали, что Пьер – личность выдающаяся во всех отношениях. Человек необузданной энергии, склонный к авантюризму, путешествиям и воинским подвигам, увлекающийся, готовый поставить под свои знамена европейское рыцарство и повести всех в поход против неверных. Это стремление короля вызвало большой интерес папы, и он заранее чувствовал симпатию к молодому правителю Кипра. Ведь самым крупным потрясением в Европе XIII-го века было не пленение пап, не эпидемия черной смерти – чумы. Европейцы переживали захват сарацинами Святой земли как крах великого проекта – освобождения Гроба Господня. В самом конце века произошла драматичная ликвидация государств крестоносцев в Сирии и Палестине. Остатки гарнизонов были вывезены на Кипр и Родос. Отчаяние перетекло в апатию, казалось, идея освобождения Гроба Господня больше не увлекала жителей Европы. Римская католическая церковь была главным вдохновителем и организатором Крестовых походов. И папа ждал встречи с королем, чтобы обсудить его намерение, благословить короля и подумать о практической помощи в богоугодном намерении королю-рыцарю. Папа с симпатией относился к рыцарству. Главой Римской католической церкви он стал совсем недавно. Когда-то его имя было Гильом де Гримоар, родился будущий папа в благородной дворянской семье. Его отец, смелый рыцарь, на войне показывал мягкость и сострадание по отношению к бедным и никогда не позволял себе бесчинств и унижений тех, кто ниже его на сословной лестнице. Его мать, происходила тоже из знатной известной семьи, была известно своим милосердием. Именно она отреагировала на желание Гильома стать монахом словами: «Мой сын, я вас не понимаю; но Бог вас понимает». Он много учился, был пострижен в монахи в аббатстве св. Виктора с именем Урбан. В 1342 г. Будущий папа получил степень доктора богословия и церковного права. Он был одним из виднейших каноников своего времени и блестяще занимался преподавательской деятельностью в ряде европейских университетов. В Авиньоне его заметил папа Климент VI. Папа стал так доверять Урбану важные дипломатические поручения. В последствии стал Урбан настоятелем аббатства св. Виктора, где хранились мощи св. Кассиана. Очевидно, что духовное наследие св. Кассиана настоятель аббатства изучил и, как выдающийся богослов, знал в совершенстве. В Авиньоне, между тем, разразилась эпидемия чумы. Умерли шесть кардиналов, и 93 высших чиновников папы. Кардиналы настолько ревностно относились друг к другу, что предпочли выбрать папой человека, не входившего в Священную Коллегию. По призыву кардиналов настоятель аббатства св. Виктора срочно возвращается в Авиньон. А 6-го ноября 1362 г. он был избран папой Римским Урбаном Пятым.

Встреча с королем.

Описаний этой знаменательной встречи не сохранилось в анналах истории. Мы можем только предположить, как она проходила. Вполне вероятно, Пьер рассказал папе, как с ранней юности мечтал об освобождении от иноверцев Святой земли, как организовал из своих молодых и смелых друзей «Орден меченосцев», и даже на кипрских монетах, гроссах, он приказал изобразить себя не со скипетром, а с мечом. Между тем, этих самых денег на новый крестовый поход было вовсе недостаточно. И его, Пьера, поездка в Европу была связана именно с поисками финансов. Кипрский король уже посетил

Венецию, Милан и Геную, и везде вел переговоры, рассказывая об опасностях со стороны турок и мамлюков, которые угрожают христианам на востоке. Далее он планировал посетить северо-запад Франции, Англию, Богемию и Польшу. Наверное, папа обратил внимание молодого короля и на духовный аспект этого плана. Король-меченосец из уст папы Римского может быть услышал слова о щите веры, которым возможно угасить все раскаленные стрелы лукавого; «о шлеме спасения», о «мече духовном, который есть Слово Божие»(Еф.6:17). Папа мог и разъяснить слова апостола Павла так, как они разъяснены были св. Кассианом в его духовных наставлениях. Он-то знал эти наставления глубже других, сколько молитв было им вознесено у мощей святого Кассиана в аббатстве св. Виктора. И, конечно, вполне возможно, что в заключении беседы папа благословил кипрского короля особенной святыней – шлемом святого Кассиана. Им доведется еще раз встретиться в Риме во второй приезд кипрского короля в Европу. Пьер придет как победитель, нанеший сильнейший удар по Александрии. Встретились они с радостью, много было планов и надежд. И не знали наши герои о том, что их ждет в будущем. Увы, Пьера ждала бесславная кончина: он погиб от рук своих придворных после ряда поражений. А вот папа Урбан V остался в памяти католиков как благородный человек, основатель обителей, глубокий ученый богослов и милостивый пастырь, который тысяче четыреста студентам платил из своих средств стипендию во время их учебы. Урбан V причислен к лику святых как Католической, так и Православной церквами как блаженный.

Предположения и документы.

Но почему в моем рассказе столько неопределенности, почему появляются наречия «вероятно», «наверное», «может быть» и другие? Дело в том, что документов мы не имеем, но предположения наши опираются на мнение уважаемого кипрского византолога Константина Кирриса. Он предположил, что Урбан V вполне мог подарить кипрскому королю некую реликвию, связанную с преподобным Кассианом. Эта реликвия, металлический головной убор, называемый верующими «шлемом св. Кассиана», издавна хранится в храме св. Кассиана в Лефкосии. Страдающие мигренями надевают ее на голову и получают исцеление. Но есть у нас и старинные документы, где имя «Кассиан» звучит, и даже упоминается дважды. И это имена не Кассиана Римлянина. Упоминания о св. Кассиане мы находим в труде «Повесть о сладкой земле Кипр», которую написал кипрский средневековый историк Леонтий Махера. Ученые-историки называют хроники Леонтия Махера «энциклопедией Кипра эпохи правления династии Лузиньянов». К сожалению, нам о нем известно очень мало. Родился Махера в 80-е годы XIV-го века, и был греком-киприотом. Его судьба совершенно нетипична для того периода. Лузиньяны предпочитали окружать себя европейскими феодалами, а не местной знатью. Византийская элита кипрского общества с приходом крестоносцев была либо физически уничтожена, либо покинула остров. Каким образом семья Махера не только выжила, но сохранила свой статус, неясно. Известно лишь то, что Леонтий Махера состоял на службе высокопоставленного вельможи Жана де Нореса. А в 1432 году ему доверено исполнять поручения самого короля Жака II. В хронике Леонтия Махера подробно описываются святыни христианского Кипра. Так, в тридцать втором параграфе читаем: «Чудотворные реликвии находятся... около Алекторы, в месте, называемом Глифия, там могила и мощи св. Кассиана. Его день - 16 сентября». И

далее неожиданный пассаж: «Другой св. Кассиан подвизался в Авдиму, и его день празднуется в последний день февраля, а также 4 декабря, и его могила находится там же».

В поисках святых подвижников.

Стоило лишь открыть хроники Махера, как из пятнадцатого века к нам пришли два адреса: Алектора и Авдиму. А сохранилась ли память об этих святых на Кипре? С этим вопросом мы обратились к нашему учителю, который в течении четверти века нам оказывает помощь во всех наших изысканиях. Насельник монастыря во имя Богородицы Махера иеромонах Софроний - известный книголюб и глубокий знаток истории Кипрской Православной Церкви. Отец Софроний не спешит с ответом, удаляется в небольшой кабинет, который примыкает к его месту послушания (он отвечает за работу монастырского магазина). Его ответ – снова приоткрывает давнюю страницу истории. Оказывается, что кипрский святой Кассиан из Авдиму и святой Кассиан из Алектры входят в число трехсот святых, которые на Кипре нередко именуются «аламанами» - (германцами).

- Об этих преподобных отцах мы узнаем из летописи Леонтия Махерасского, - поясняет отец Софроний.- Летописец пишет о преподобных как о прибывших с Земли Обетованной. Преподобные, среди которых были и архиепископы, и иереи, и миряне, были гонимы сарацинами. Корабль, на котором они отчалили от берегов Палестины, потерпел крушение близ Пафоса. Преподобные сошли на кипрскую землю и разошлись во все пределы ее по двое и трое и поселились в разных местах.

-А почему их называют «аламаны»? - спрашиваем мы и слышим в ответ:

- Католический историк Стефан Лузиньян (1537 — 1599) в XVI веке, видимо, преследуя свои цели, написал об этих трехстах подвижниках как о галлах (французах) и аламанах (немцах), не приводя никаких источников и обоснований. Голословное это утверждение, однако, прижилось, и укоренилось так, что даже отражено в составленных в XVIII веке кратких сборниках житий кипрских святых (синаксарях). Мы опираемся на более раннее и авторитетное мнение Леонтия Махерасского и не считаем этих святых подвижников выходцами и германских земель.

- А как же святой преподобный Георгий Аламану, чья обитель находится недалеко от трассы при подъезде к Лимассолу?

- Действительно, в наименованиях некоторых святых слово «аламан» уже укоренилось. К таким можно отнести и преподобного Георгия Аламанского. Но Архиепископ Макарий III в своей книге «Кипр — остров святых» называет преподобных так: «триста палестинских отцов».

(Здесь мне бы хотелось пояснить слова отца Софрония о «голословных утверждениях» Стефана Лузиньяна. Этот католический монах, естественно, в своих трудах подчеркивал «легитимность» присутствия католиков на Кипре. Поскольку триста палестинских отцов на Кипре были глубоко почитаемы православным людом, указать на их западноевропейское

происхождение – значило укоренить представление принадлежности потомков-католиков к кипрскому христианству в раннее годы – прим. авт.)

Отец Софроний нам дает целый список святых, о которых сохранились упоминания. Читаем имена, святых полуострова Карпасия и Кирении, Морфу и Саламина, селений Литродонтас и Потамиу, и окрестностей Куриона и Синты. И среди этих славных незабытых имен есть и имена святого Кассиана Глифийского (близ селения Алектра) и Кассиана Авдимийского. В ближайший свободный выходной отправляемся по пришедшим к нам из XV-го века адресам и обнаруживаем, что местные жители помнят о своих святых подвижниках и поклоняются их памяти.

В храме св. Кассиана.

Сколько интереснейших фактов и гипотез мы узнали при подготовке к посещению храма святого Кассиана в Лефкосии. Сколько пережили волнения и ощутили благодати при встречах на горе Глифия и в селении Авдиму. И какой же духовной радостью было пронизана наша встреча с обителем святого Кассиана Римлянина в Лефкосии. Сотрудник храма дядюшка Фивас встретил нас как самых дорогих гостей. Он вынес драгоценную реликвию, и мы вместе молились пред знаменитым шлемом святого Кассиана: *« Моли, отче наш Кассиане, Христа Бога, да, избавльшись от злых наших, с тобою вечных благ сподобимся, благодатию и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, суца благословенна со Безначальным Его Отцем и с Пресвятым Духом во веки веков»*. А потом нам было позволено надеть святой шлем, ведь в наше суетное конфликтное время так необходимо, чтобы голова не болела, сознание оставалось ясным, и была духовная крепость следовать примеру высоких подвижников православия. А еще мы получили многоценный дар: маленькую иконочку святого Кассиана Римлянина. Ему молятся о ниспослании дара рассуждения, качества необходимейшего. Будем и мы молиться святому Кассиану, «чтобы не оставил нас, беспомощных» . Взволнованные и ободренные, мы возвращались по узеньким улочкам центра Лефкосии, и вдруг из окон одного из старинных домов, стоящего недалеко от храма, слышались задорные звуки. Детские голоса серебристыми колокольчиками выводили мелодию песенки, это пели воспитанники детского садика во имя святого Кассиана. Далекое Прошлое и Будущее Кипра на этих улочках встретились и внимательно посмотрели друг другу в глаза. Это был взгляд надежды, веры и любви.

Глава седьмая.

1695 год: время чудес, борьбы и надежд.

Храм архангела Михаила Трипиотиса один из самых дивных самоцветов в золотом венце Лefкосии. Но прежде, чем мы войдем под его своды, нам необходимо вспомнить, а кому-то узнать, что Господь благословил человека молитвенно соприкасаться с миром светлым и чудесным, миром ангелов.

Мир ангелов.

Мир ангелов — мир невидимый, сотворенный Богом раньше видимого мира. Мы почти ничего не знаем об этом мире, поскольку в Библии он не описан. Ангелы — существа духовные, обладающие личностью, умом, волей и могуществом. Слово «ангел» в переводе с греческого означает «вестник», в этом слове определено их назначение. Ангелы - посланники Божии, то есть посредники в осуществлении воли Бога относительно мира в целом и каждой человеческой личности в отдельности. Кроме этого ангелы - ходатаи за людей пред Богом и воины в борьбе с Его врагами. Приставка «архи» к некоторым ангелам указывает на их более возвышенное служение Богу по сравнению с другими ангелами. Св. Григорий Великий пишет, что в то время как другие ангелы являются, чтобы принести людям какую-либо весть, архангел Михаил посылается всякий раз, когда должна явиться чудесная сила Божия.

Однажды один из наиболее приближенных к Богу ангелов - Люцифер (в переводе с латыни — «светоносный», «утренняя звезда» или «Денница») удалился от Бога настолько, что стал источником зла, и увлек за собой треть ангелов, говоря: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой.., буду подобен Всевышнему» (Ис. 14:13-14). Архангел Михаил первым призвал всех ангелов, не увлекшихся пагубным примером Люцифера, к борьбе с дьявольским искушением, воскликнув: «Кто подобен Богу? Никто как Бог!». Он со своим войском одержал победу в битве против Люцифера и его бесов (падших ангелов), которые были «низвержены в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14:15). Это противостояние между добром и злом теперь продолжается на земле, все люди являются его участниками. Из Священного Писания и Священного Предания Церкви мы знаем, что над всеми ангельскими чинами поставлен Господом святой Архистратиг Михаил. С давних времен Архангел Михаил очень любим и почитаем верующими людьми. В Византии происходило множество исцелений на источниках, рядом с которыми стояли храмы в его честь. Многие больницы строились рядом со Свято-Михайловскими храмами и имели Архангела своим предстателем. Императоры и военачальники Византии считали Архангела Михаила своим покровителем на войне, поскольку он является Архистратигом Сил Небесных. Чеканились даже монеты с изображением Архангела. Многие знатные люди были похоронены в храмах Архангела Михаила в надежде на его защиту в день Страшного Суда. Согласно греческим преданиям, архангел Михаил присутствует при смерти человека. До нашего времени в виде легенд и преданий дошли несколько историй о чудесах и явлениях Архангела Михаила. Наиболее известное предание повествует о чуде, произошедшем в Хонех.

Чудо в Хонех.

Во Фригии, недалеко от города Иераполя, был храм, посвященный архангелу Михаилу, построенный одним из жителей города в благодарность за исцеление его дочери водами целебного источника, располагавшегося на том месте. Появление источника и храма при нем было предсказано еще святым апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, который проповедовал в тех местах. Источник исцелял не только христиан, но и иноверных. В этом храме в течение 60 лет служил пономарем Архипп Херотопский, прославившийся своей добродетельной христианской жизнью. Язычники, питая злобу к Архиппу, решили уничтожить храм и одновременно убить Архиппа. Для этого они соединили в один поток две горные реки и направили его на храм. Преподобный Архипп пал в церкви на землю и со слезами молился Богу и архангелу Михаилу, чтобы уберечь святое место, не дать врагам погубить святыню. Тогда около храма появился святой Михаил и, ударив жезлом по горе, открыл в ней широкую расселину, куда устремились воды потока, и храм остался неприкосновенным. Место, где совершилось это чудо, получило название Хоны (расселина, отверстие). Одно из имен архангела Михаила стало с тех пор «Трипиотис» - «тот, кто сотворил расселину».

Архиепископ Герман, год 1695.

...Архиепископ Герман проводил батюшку Иакова, сел в свое любимое кресло и задумался. Встреча со священником его и взволновала, и порадовала. Отец Иаков был опытным, знающим пастырем. Прихожане его любили, авторитет его был непререкаем. Ему принадлежала идея построить храм на месте старинного монастыря. Это было не так просто. Нужны были средства, но это еще полдела. Турки, захватив Кипр в 1570 г, конфисковали все католические церкви и монастыри. Нужно было около трех тысяч серебряных безантов, чтобы выкупить у турок старый католический монастырь, нужно было как-то договориться с кади, написать прошение паше Никосии. В общем, работа большая. С Божьей помощью все уладилось. А могло произойти то, что произошло с церковью Девы Марии монастыря св. Августина, которая находилась неподалеку. Ее турки сначала разрушили при взятии Лефкосии, потом заставили киприотов отремонтировать (поскольку не имели своих строителей, зато разрушать умели). Церковь и монастырь упразднили, а здание церкви превратили в мечеть. Причем, называли мечеть «Омерийе» в память о родственнике Магомета халифе Омаре. Турки верили, что халиф побывал в Никосии во время арабских набегов. А вот еще одна печальная история. Стояла некогда в центре Лефкосии часовня Святого Животворящего Креста, ее народ даже называл «Миссирику» в память об одном из королей Лузиньянов, которого в народе прозвали «Мсье Анри». Но ни принадлежность к христианской церкви, ни посвящение Святому Кресту вовсе не остановили захватчиков. Христиан выгнали, пристроили минарет, и вот на месте христианской часовни практически в ее стенах появилась «мечеть Араблар», то есть «арабская». Как же это несправедливо, и причем здесь арабы, которые в VII-м веке свирепствовали на Кипрском острове так, что пришлось народу покинуть остров во главе с архиепископом. «Да, довел Господь жить в такое время,- думал архиепископ, - наступили трудные времена, наполненные пролитой кровью мучеников, гонениями и терзаниями». Только тридцать пять лет назад, наконец-то, Высокая Porta (на языке турецких чиновников звалось турецкое государство) признала архиепископа Кипрской Православной Церкви этнархом (духовным вождем нации). Первым

крест этнарха понес архиепископ Никифор Киккотис в 1660 году. Крест был тяжелым. Отныне каждый глава Кипрской Православной Церкви жил и трудился под дамокловым мечом, ведь он отвечал перед турецкой администрацией за политическое, административное, экономическое положение в среде киприотов. Главным было, конечно, контролировать сбор налогов, выплата хараджа (налога на православную веру) и проявлять безусловную покорность. А за возможные восстания против поработителей архиепископ должен был бы ответить жизнью. Церковь была вождем поработленного народа, и именно от него, архипастыря, главы Церкви, народ ждал поддержки, в первую очередь молитвенной. Поэтому строительство храма было делом огромной важности. Архиепископ Герман понимал, что только чудо могло помочь, чтобы турки разрешили храм построить. Он неустанно молился Архангелу Михаилу, который однажды заступился за храм в Хонех. Молитва Архангелу Михаилу – очень сильная защита. Недаром на старинной иконе, которая находилась в кабинете архиепископа, верховный ангел был изображен с острым длинным мечом в руке. Это оружие для победы над злыми силами, оно отсекает человеческие тревоги и страхи. Архангел Михаил помогает людям избавиться от лживости, зла и отводит от соблазнов. «Архангел Михаил – первый защитник всех, кто следует законам Божиим», – думал архиепископ, вновь и вновь усердно прося Архангела стать предстоятелем пред Господом за поработенный народ Кипра. Сегодня, во время встречи с отцом Иаковом, архиепископ понял: молитва услышана. Он еще и еще раз вспоминал свою беседу со священником.

-Панариотате (кипрское обращение к архипастырю – прим. авт.), благословите начинать строительство храма. Необходимые деньги прихожане собрали,- после положенных приветствий взволнованно сообщил отец Иаков.

-Бог в помощь, начинайте подготовку, - живо откликнулся архиепископ и добавил, - а для освящения закладного камня я прибуду сам. И, сын мой, передай от меня сердечную благодарность всем, кто пожертвовал любую толику на храм, даже самую малую.

Архиепископ благословил священника и произнес слова молитвы:

- Господи, Боже Великий, Царю безначальный, пошли, Господи, Архангела Твоего Михаила на помощь рабам Твоим...

-Эх, помог бы архангел Михаил сотворить нам такую расселину, чтоб утесла туда злоба захватчиков, да насилия, да и вся турецкая рать, - проговорил отец Иаков тихо, но отчетливо.

Архиепископ согласно кивнул и продолжил молитву:

- О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушитель, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах перед лицом ветра...

О природе подвига.

Храм построили удивительно скоро, за шесть месяцев. И вправду, была Воля Божья и помощь архангела Михаила была. Но был и подвиг православных киприотов. Да-да, именно подвиг. Современный читатель, может быть, выразит недоумение. Ведь подвиг – это героический поступок, совершенный на предельных усилиях в экстремальной ситуации.

История России дала много примеров героизма, и мы, произнося слово «подвиг», представляем нашего воина, бросающегося грудью на амбразуру врага, летчика идущего на смертельный таран, сбивающего вражеский самолет. А здесь речь идет о строительстве храма. Это подвиг или нет? Созидание Дома Божьего – это всегда дело богоугодное. А в условиях турецкого ига – это было подвигом любви ко Господу, восхождением по духовной лестнице. Иго продолжалось почти три века. И жители острова сохранили свою веру, передавали православные традиции, нравственные правила, моральные устои из поколения в поколение. Они подвергали себя смертельной опасности, они погибали, но не предали веру отцов. Совершалась святая Литургия, возносилась молитва, строились храмы, писались иконы. Маленьких киприотов крестили в купели православия, супругов венчали в церквях, и ушедших в мир иной отпевали по православному обряду. Киприоты так участвовали в духовном сражении с завоевателями, и победили. А еще за тысячи километров от кипрских берегов появился у киприотов союзник в их борьбе. И этим союзником стал православный русский народ.

Азовский поход Петра, год 1695.

В Лефкосии в мае 1695 года был освящен закладной камень, и началось строительство храма архангела Михаила. Строительство вершилось споро. Мастера укладывали гладко отесанные камни кипрского песчаника, скрепляли навечно их раствором. И не знали кипрские мастера, что за морями-за долами, в далекой Московии идет к ним подмога, идет русская рать числом в тридцать тысяч воинов, да еще орудий около 150-ти, чтобы сразиться с общим врагом. Среди воинов один выделялся высоким ростом, и звали его Петр Алексеев, он был канониром. Однако, хотя его товарищи вида не показывали, многие знали, что канонир у них особенный, сам царь-батюшка, юный Петр Алексеевич Романов. Но думал ли Петр Алексеевич в то время о трагичной судьбе кипрского православного народа? Едва ли. Его одолевали мысли о народе русском, который исстрадался от набегов вассала турецкого султана крымского хана. Набеги турецких вассалов были жестоки и коварны. Французский инженер Бонлан, современник событий, служил при царском дворе в России. Он писал: *«Крымчаки во время набега рассыпаются по деревням, окружают селения, грабят жителей, жгут жилища, вырезают сопротивляющихся. В рабство уводят и мужчин, и женщин, даже с грудными младенцами»*. Крымские татары доходили до Тулы, Каширы, Серпухова. В первую половину 17 века татары увели в полон около двухсот тысяч русских пленников, а ведь это было ни много- ни мало, а четыре процента всего населения страны. Были эти крымчаки послушным орудием турецкого султана, так что у киприотов и московитов в то время враг был общий враг и любая победа над ним приносила облегчение всем. Еще в правление царевны Софьи русское войско под началом Галицына совершило поход на Крым, однако поход оказался неудачным. И Петр решил совершить завоевание Азова. Азовская крепость — ключевой пункт в устье Дона, захват которого позволил бы закрепиться на побережье Азовского моря, а дальше думать о Черном море. Ведь Турция не разрешала русским купцам плавать ни в Азовском, ни в Черном морях. А Московское государство остро нуждалось в морских торговых путях для

развития своей экономики, ведь Белое море только три месяца было судоходным. Так что у Петра и его единомышленников были причины отправиться в Азовский поход. Однако поход 1695 года не принес успеха: у русских не было флота, организация войск не была отлажена, не было опыта дальних походов, был ощутим и недостаток артиллерии. И все же удалось захватить башни на берегах Дона, преграждающие цепями выход кораблей в море. И не таков был Петр Алексеевич, молодой русский царь, чтобы смириться с поражением. Он стал готовить второй Азовский поход и учел причины провала первого. В 1696 году русское войско вновь отправилось в ратный путь, был начат второй Азовский поход. Артиллерийские обстрелы и флот, отрезавший турецкую крепость от снабжения с моря, вынудили турков сдать Азов. В 1698 году в качестве базы русского флота в Азовском море был основан город Таганрог. Пётр I добыл себе славу победителя. Начиналась ратная работа, которая затем будет продолжена в море Средиземном, где будут совершены великие подвиги русских моряков под командованием Алексея Орлова в Чесменской бухте. Это произойдет в блистательную Екатерининскую эпоху.

Девяносто лет спустя, год 1785.

Лето 1785 года на Кипре выдалось знойным. Солнце сияло в ослепительно-синем кипрском небе. На рейде города Ларнаки стояли корабли, море отливало золотом, отражая солнечные лучи. Отсюда была хорошо видна древняя церковь святого Лазаря. По пыльной дороге, ведущей к морскому порту от Соленого озера, медленно приближался караван верблюдов с тюками соли, в глубине города слышались призывные крики продавцов. Недалеко от городской крепости, резиденции турецкого правителя города, 30 июля 1785 собралась группа людей. Судя по европейскому платью, многие из них были иностранцы - представители консульств европейских стран: Англии, Франции, Швеции, Пруссии... Отдельной группой стояли представители турецкой администрации города. Здесь же сновали вездесущие мальчишки и толпились местные жители-греки. На их лицах было нескрываемая радость, в то время как лица турок были хмуры, речи отрывисты и гневны. «Что эти русские позволяют, - размышлял кади, главный исламский проповедник. Он разделял гнев своих соплеменников, ожидая события, которое его вовсе не радовало. Дело в том, что в Ларнаку прибыл Консул Российской империи. Особенно было обидно правителям туркам, что этим консулом оказался не русский, а грек. Греков они привыкли считать своими рабами. А русских ненавидели, но уважали, так как все же они были достойными противниками. Не хотелось даже и вспоминать. Но ведь несколько лет назад русские почти сожгли турецкий флот Чесменской бухте, так что делать нечего. Этот грек, какой-то капитан Иоаннис Ацали, приехал в Ларнаку не с пустыми руками. Он привез из Константинополя фирман (Указ светлейшего султана) и берат (специальную грамоту). И сам кади, скрепя сердце, выписал греку ордер - письменное распоряжение, которое позволяло Ацали поднять над своим жилищем российский флаг. Для этого ненавистного кадию флага греки уже укрепили флагшток около дома, в котором поселился Иоаннис Ацали. Неподалеку стояли представители Кипрской Православной Церкви. Это были митрополит Китионский и священники храма святого Лазаря. На их лицах радостное возбуждение, то и дело слышно: «Докса о Теос (слава Богу)! Они говорили меж собой о том, что у великой русской царицы

Екатерины родился внук, и она назвала его Константином, учит его гречанка-няня греческому языку. И как знать, не станет ли Великий князь в дальнейшем императором Византийским. «Россия получила и веру, и культуру из греческих рук – от Византии, так что все возможно», - размышлял митрополит.

Когда консул России Иван Ацали появился у флагштока, все собравшиеся почтительно приветствовали его. Капитан Ацали был взволнован важностью момента, и в его памяти все детали памятного июльского дня 1785 года запечатлелись на всю жизнь. Он развернул полотнище Андреевского флага, закрепил и стал поднимать, исполнившись торжественности момента. Наконец в синем кипрском небе воспарил флаг великой Российской державы. И тут горячий ветер прилетел с моря, заставив флаг затрепетать, раскрыться, словно большой птице расправить крылья. Нельзя было не залюбоваться полетом Андреевского стяга над синим морским простором.

Итак, после убедительных побед России, по высочайшему Указу императрицы Российской Екатерины II на Кипр прибыл российский консул – капитан российского флота грек Иван Ацали. Среди других его обязанностей была важнейшая: защищать православный кипрский народ от произвола турецких поработителей. Тогда в монастыре Махера монахи возносили денно и нощно молитвы о здравии русской царицы. Вновь взметнулись над кипрской землей колокольни, на которых зазвонили колокола, как предвестники будущей свободы.

В храме. Шедевр Талиодороса.

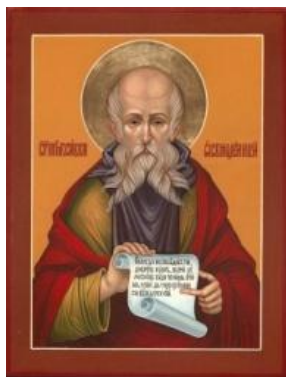
Надежда осветила лица православных киприотов. И отражением этого света стали прекрасные творения кипрских мастеров. Одним из таких творений, фантастическим по красоте, является иконостас в храме архангела Михаила Трипиотиса в Лефкосии, куда мы и отправляемся в паломничество. В 1812 году здесь стал работать талантливый резчик по дереву Хаджи Саввас Талиадорес. Он не так давно завершил свой творческий подвиг в храме св. Лазаря в Ларнаке, где возвел чудесный резной иконостас. И вскоре был приглашен приходом храма архангела Михаила выполнить заказ: создать новый иконостас. Деревянный резной трехъярусный иконостас с позолотой сегодня является не только главным достоянием храма, но и одним из самых великолепных и уникальных на Кипре. Он был возведен по ширине всех трех нефов и содержит 56 святых образов. Мастер и его ученики трудились вдохновенно. Приступая к работе, обязательно молились архангелу Михаилу. Сначала вырезали отдельно каждый элемент иконостаса из дерева, покрывали лефкасом, после чего детали золотились и полировались до зеркального блеска. Они прекрасно понимали, что должны на поверхности иконостаса создать особое пространство, все изображения которого призваны передать святую гармонию, красоту и свободу Горнего мира. Может быть, эти простые люди и не смогли бы сформулировать принципы своего творчества, Но итог их работы таков, что нам понятно: они работали и мечтали, чтобы свобода воссияла и на кипрских берегах. Более двухсот лет прошло с тех пор, но и сегодня иконостас храма хочется назвать чудом, таинственно объединяющим мир земного и Божественного. Мастер Талиодорос трудился в храме архангела Михаила в Лефкосии, а далеко от Кипра, на берегу Черного моря в городе Одессе, между тем, происходило важнейшее событие. Духовные братья наших мастеров, Александр и Димитрис Ипсиланти,

офицеры российской армии, близкие ко двору императора Александра I, основывали тайную революционную греческую организацию Филики Этерия («Дружеское общество»). Так продолжалось возрождение эллинского духа на земле, попранной захватчиками: смиренной молитвой пред иконами, упорным созидательным трудом во Славу Божию, и вооруженной борьбой. Вооруженное восстание начнется в 25 марта 1821 года. Этот день стал впоследствии праздноваться как День Греческой Независимости. Для народа Греции, Кипра, Всемирной греческой диаспоры, всех, кому дорог свет немеркнущий Эллады. 25 марта 1821 г. - наиболее значительная дата в истории Греции и Кипра. Свобода придет на кипрские берега еще нескоро, в 1960 году. Но она придет, и первый шаг к ней был сделан тогда, в 1695 году.

Глава восьмая.

День Саввы Освященного

Саввин день.

Лефкосия...Каждый камень этого города дышит историей, каждое название звучит в пространстве веков. А пространство физическое наполнено святынями столь изобильно, что диву даешься. Вот вышли мы из храма архангела Михаила Трипиотиса, а рядом, через неширокую улочку, высится еще один храм-красавец. Он возведен во имя святого Саввы Освященного. И путь от одного храма к другому измеряется минутами. Но мы не поспешим под своды храма. Давайте присядем в тенистом дворике и под древней оливой поразмышляем. День преподобного Саввы Освященного отмечается 18 декабря. Но любой день может стать Саввиным, если мы посетим храм св. Саввы в Лефкосии. Кстати, это выражение – «Саввин день» - бытовала в нашем Отечестве с древних времен. Есть много традиций и поверий, связанных с именем святого. Например, наши предки говаривали: «Савин морозец пугает народец». Да и понятно, праздник святого приходится в России на холодный декабрь, который в старину был лют на морозы. А вот жизнь святого Саввы прошла в краях, которые не знали зимних холодов, подвижник более страдал от палящего зноя, чем от холода. И мы сегодня поговорим о его житии, узнаем, в каких местах были совершены подвиги святого преподобного Саввы Освященного. А пока откроем паломнический путеводитель, где о храме св. Саввы в Лефкосии сказано: «Это старая церковь, которая многократно была реконструирована. Так, уже в 1608 году она подверглась реставрации. А в 1870 году ее пространство было расширено и пристроен второй алтарь». Таким образом, строительство храма мы можем отнести, по крайней мере, ко второй половине 16-го века, но, вполне возможно, на этом месте был храм и ранее. По сложившейся на страницах этой повести традиции, перед тем, как мы взойдем под своды храма св. Саввы освященного в Лефкосии, мы познакомимся с духовной историей старинной церкви.

Это было в Муталаске.

А начало этой истории вершится в пятом веке далеко от кипрских берегов, на просторах Каппадокии, в маленьком городке Муталаска (ныне городок Таласи в Турции). Во дворе монастыря св. Флавианы росла яблонька. Было деревце небольшим, и яблок на нем вызрело немного. Но одно привлекло внимание мальчика: крупное, золотистое, с красным бочком. «Наверное, очень сладкое и сочное», - подумал Савва (так мальчика звали) и проглотил слюну. Вообще-то Савва исполнял послушание отца-игумена и работал в саду, подметая листья. Но рука протянулась к наливному яблочку. Тут же Савва отдернул свою дерзкую руку. Конечно, дерзкую, а как же иначе. Отец-настоятель, когда Савва пришел в монастырь, долго с ним беседовал. Вначале не хотел принимать Савву в обитель. Мальчику было восемь лет. А обстоятельства его были необычные. Он не был бедным сиротой, которому некуда было податься. Отец Саввы, крупный военный, получил назначение в Александрию. Было решено, что родители поедут обживать на новом месте, а мальчик пока останется на попечении дяди, семья родственников и за поместьем присмотрит. Все бы ничего, но отношения с вреднущей дядиной женой у Саввы не заладились. Вот он и пришел проситься в монастырь, который располагался рядом с Муталаской, родным городком мальчика. Игумен долго размышлял, увещевал ребенка, но Савва так горячо его уговаривал, что настоятель монастыря согласился приютить Савву. Но и условия были нелегкими. Оказалось, что жизнь в монастыре это не только молитвы, которые мальчик любил, но еще и много ограничений, строгостей, постов. Например, вкушать пищу можно не тогда, когда захочется, а когда положено. Савва внимательно слушал батюшку, готов был исполнять все наказы, лишь бы остаться под сенью обители. И игумен его оставил. Ну, и сразу стали мальчику поручать посильные послушания. Час, когда соблазнительное яблочко попало Савве на глаза, был тем самым неурочным часом для еды. И мальчик это понимал, а яблочко висело на ветке, дразнило и манило. Словно нашептывало: «Съешь меня, никто ведь не видит, никто не узнает!» Тут Савва рассердился сам на себя, сорвал дерзкое яблочко и ну топтать его ногами, представляя, что топчет он вовсе не заманчивый плод, но свои грешные помыслы. Этот, на первый взгляд, не столь важный эпизод будущей святой помнил всю свою долгую жизнь, он и яблок больше никогда не ел. Силой воли маленький Савва поборол грех чревоугодия. И это была не последняя его победа на духовном поприще. Мальчик преуспевал в изучении Священного Писания, быстро привыкнул к монашеским послушаниям, к смирению, воздержанию. Годы шли. Несмотря на уговоры родных, Савва не собирался покидать обитель. В семнадцать лет юноша принимает монашеский постриг. Его выбор, может быть, и огорчил родителей, которые прочили своему сыну почетное военное поприще, ну уж точно не удивил их. Ведь события нашего рассказа происходят в Каппадокии.

Сокровенная Каппадокия.

Сегодня эту землю по праву называют христианской жемчужиной. Несколько тысячелетий назад два возвышающихся здесь, в центре современной Турции, вулкана – Эрджиес и Хасандагы – извергли на поверхность земли чудовищное количество огнедышащей лавы, превратившейся в мертвое, каменное море, в некоторых местах достигавшее глубины ста метров. На протяжении веков дожди, ветер и землетрясения, разрушая и все глубже размывая лаву, творили из камня невиданные изваяния. В результате этого в Каппадокии создавался уникальный, фантастический природный пейзаж. Здесь

можно видеть гигантские стелы, трехэтажные «скульптуры» конусообразные пирамиды, застывшие каменные волны, реки и водопады, увенчанные «шляпками» грибы, таинственные и бездонные пещеры. Но главная тайна Каппадокии заключалась в том, что внутри почти каждого каменного изваяния существовала сокрытая от посторонних глаз жизнь, которую случайно открыли лишь в 1907 году. Оказалось, что Каппадокия – это сокровенная страна скальных монастырей, церквей и келий, основанная еще во II веке н. э. Здесь подвизались смиренные монахи, которые просияли в лике святых, прославивших этот суровый край своими подвигами и несокрушимой верой. В четвертом веке в Каппадокии начинают возникать подземные города, в них селились христианские подвижники, которые скрывались от преследований либо искали аскетического уединения. Всего монашество Каппадокии подарило миру более ста святых, среди которых просветительница Грузии Нина, просветитель Армении Григорий, великомученик Георгий Победоносец. Их величайшие духовные подвиги описаны в книге «Сокровенная Каппадокия», автор – замечательный писатель и талантливый художник Георгий Юдин. Мы советуем любознательным читателям обязательно обратиться к этой чудесной книге, ведь автору удалось в своем труде собрать уникальный материал о жизни каппадокийских монахов. В местных пустынях подвизались «великие каппадокийцы»: Василий Великий и Григорий Богослов. Для нас эти великие имена сияют из глубины веков, а для юного Саввы они были почти современниками. Ведь он был моложе Василия Великого всего на век. Совершенно очевидно, что и Савва, и его современники хорошо знали о Василии Великом, своем земляке, почитали его. Для многих жителей Каппадокии великий подвижник был тем примером, которому следовали или стремились следовать.

Слово о Василии Великом.

Вспомним и мы великого святого, чтобы лучше представить ту систему ценностей, в которой наш герой, Савва, вырос и развивался. Василий Великий родился около 330 г. в Кесарии, административном центре Каппадокии. Он происходил из известного знатного рода. Образование Василий получал у лучших учителей Кесарии, а затем – в школах Константинополя и Афин. Он получил глубокие познания в философии, астрономии, математике, медицине и правоведении. В Афинах Василий Великий подружился с Григорием Богословом, между молодыми людьми установились теснейшие дружеские связи. Возвратившись в 357 году в Кесарию, Василий вступил на путь аскетической жизни, а затем после смерти отца принял крещение и отправился в путешествие по Египту, Сирии и Палестине к великим христианским подвижникам. Вернувшись домой, Василий раздал все имущество бедным и распространил в Каппадокии общежительное монашество, пригласив Григория Богослова разделить служение, заботы, кров. Устав, который святитель дал своим монахам, устанавливал новые правила монастырской жизни». В Кесарии Василий основал два монастыря: мужской и женский. Иноки и клирики под духовным водительством Василия Великого жили в чрезвычайной бедности, трудились и вели чистую и добродетельную жизнь. Все средства и доходы употреблялись в пользу бедных. Святые Василий и Григорий подвизались в строгом воздержании и, в уединении, молились о всем мире, занимались изучением Священного Писания, создавали манускрипты, вели споры. Здесь были обретены важнейшие духовные ценности, которыми до сих пор руководствуется человечество. Вдумайтесь в слова Святого. Они писаны для монахов и о монашеской жизни повествуют. Но разве такое устройство не идеал и для любого христианина? Если и не достигим этот идеал для мирянина, то высота его побуждает к борьбе с грехом, к исправлению своей жизни, к духовным исканиям и обретениям. Вчитаемся: *«То общение жизни называю*

совершеннейшим, из которого исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же общее, и души, и расположения, и телесные силы, и что нужно к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы». Отдадим здесь должное и мужеству Василия Великого, который возвысил свой голос против ереси богоотступника Ария, когда сам император Валент (364-378), стал его приверженцем. С приходом к власти императора Василия, ежедневно проповедуя, утверждал веру православных, призывал их к мужеству и терпению. Представился он 1 января 379 года, оставшись для христиан «учителем спасительнейшим».

Читая Кирилла Скифопольского.

Был Василий Великий учителем и для святого Саввы Освященного, об этом свидетельствует житие святого. Автор не собирается здесь подробно излагать это житие. Вновь отсылаю читателя еще к одной прекрасной книге. Она называется «Житие Саввы Освященного», а написал ее в шестом веке христианский монах и историк Церкви Кирилл Скифопольский (524 – 558). Пусть не смущает вас, что автор – лицо духовное, что написан труд полторы тысячелетия назад. На сайте <http://pravoslavie.ru/> помещены все девяносто главок этой чудной книги. Прекрасный перевод делает чтение увлекательным, простота и ясность слога, безыскусность изложения привлекает и увлекает. Поверьте, чтение вам предстоит и многополезное, и интереснейшее. Мы же на страницах нашего повествования лишь наметим пунктирную нить судьбы нашего героя. Следуя примеру Василия Великого, юный Савва решает покинуть родную Каппадокию и отправиться в Палестину. Итак, каппадокийский монастырь св. Флавианы стал истоком жизненного пути, который оказался весьма продолжительным, исполненным глубокого молитвенного труда, преодолениями искушений, благими делами, мужественным борением с силами зла. Проведя десять лет в обители Флавианы, преподобный отправился в Иерусалим, а оттуда в обитель преподобного Евфимия Великого. Что стало причиной ? Поиск наставника. Юноша не надеялся на свои собственные силы, свой разум. Он мечтал встретить духовного наставника, который бы направлял его на путь добродетели.

Наставник.

Ну как не сказать несколько добрых слов о Евфимии Великом (376 – 477), мудром подвижнике, который стал любимым наставником св. Саввы. Евфимия недаром называли не только Великим, но и Благодушным. В возрасте 29 лет он удалился от мира, поселившись в пещере близ Иерусалима. Образ жизни преподобного, его аскетизм, любовь к Христу, самопожертвование – все эти качества привлекали к Евфимию множество учеников. Там, где он селился, вскоре собиралось множество последователей, устраивались монастыри. Святой искал уединения, но вовсе не отчуждал себя от людей, от земного мира, с которым был соединен неразрывными узами братской любви. Его всегда заботила борьба за чистоту Веры. И глас Евфимия Великого из пустыни был слышен всюду, где православие попиралось. Также как хлебом духовным, он щедро делился и хлебом насущным. Во время голода щедро разделял свои припасы с голодающими, не различая христиан и сарацинов.

Пунктир судьбы.

Преподобный Евфимий полюбил молодого Савву. Кирилл Скифопольский пишет, что Евфимий называл святого Савву «отроком-старцем», подчеркивая разумность своего ученика. Старец заботливо воспитывал Савву в высших иноческих добродетелях. К любой вершине путь лежит через терпеливое восхождение от одной возвышенности к другой. Поэтому Евфимий вначале направил святого Савву к другому известному в Палестине подвижнику, авве Феоктисту, настоятелю близлежащего монастыря со строгим общежительным уставом. В той обители пробыл преподобный Савва послушником до 30-летнего возраста. Преподобный Евфимий внимательно следил за жизнью юного инока и, видя, как он духовно возрос, стал брать его с собой в пустыню Рув (у Мертвого моря). Они выходили 14 января и пребывали в пустыни все дни Великого поста до праздника Входа Господнего в Иерусалим. И это нахождение подле святого мудреца было настоящим обучением. А ведь обучение – это важная тренировка смирения, которое знаменует путь к Господу. Когда преподобный Евфимий отошел ко Господу, Савва затворяется в пещере: лишь в субботу святой покидал затвор и приходил в обитель, участвовал в богослужении и принимал пищу. Через некоторое время преподобному разрешили совсем не оставлять затвора, и святой Савва подвизался в пещере в течение пяти лет. Через несколько лет к преподобному Савве стали собираться ученики – все, кто хотел иноческой жизни. Так возникла Великая Лавра. Кстати, слово «лавра» пришло из греческого языка и означает «дорожка», так как в палестинских лаврах кельи (обычно это были пещеры) находились на приличном расстоянии друг от друга, соединяясь горными тропинками. В Лавре монахи жили уединенно, собирались вместе только в субботу и воскресенье в центральной церкви, которую иноки по указанию свыше (им явился чудный огненный столп) устроили в большой пещере. Преподобный Савва основал еще несколько обителей. Многие чудеса были явлены по молитвам преподобного Саввы: среди Лавры забил источник, во время засухи пролился обильный дождь, происходили исцеления больных и бесноватых. Преподобный Савва написал первый устав церковных служб, так называемый «Иерусалимский», принятый всеми Палестинскими монастырями. Святой мирно преставился к Богу в 532 году. Вышеизложенное лишь пунктир, за его прерывистой линией множество событий явных и сокровенных. Еще и еще раз призываю: прочтите Кирилла Скифопольского!

В чем смысл подвига?

Слышу скептическую реплику некоего дотошного читателя: «Вот прожил свой земной век человек отшельником. Жил вдали от мира, молился и все. Да еще увлек на свой путь около полутора сотни христиан. А для чего все это? В чем смысл такого жития?» Отвечу словами Григория Златоуста: «Твое только то, что ты отдал». Так и живут монахи, они борются с грехами в душе, чтобы потом все свои мысли посвятить Богу и все свои дела совершать во благо ближним. В этом они обретают невероятную духовную радость. Отшельники тоже монахи. И уходили они в пустыни и пещеры не от родных, не от «мира» — как творения Божия, но от падшего, греховного мира, погрязшего в пороках. Они уходили не потому, что ненавидели мир и живущих в нем, а оттого, что любили его. Тысячи местных людей спасались вокруг монахов-подвижников, они испытывали на себе благотворное влияние монашеской жизни, проходившей у них на глазах. Эта жизнь была для них неким нравственным эталоном. Вспомним, что монахи создали такую жизнь, в которой была *изгнана противоположность расположений, в которой с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры*. Это ли не желаемый идеал жизни и каждого из нас? Только нам он

кажется недостижимым, а современники Саввы Освященного на примере святого и его учеников видели воочию, что такое устройство возможно. А как не прост путь к такому устройению. Вспомним, что вначале святой Савва проходил монашескую школу жизни в монастыре св. Флавианы, где были и борения, и маленькие победы над грехами. Затем под руководством Евфимия Великого и старца Феоктиста он проходит более строгую школу. Он учится жить в любви к братии, в послушании и смирении. И, наконец, он удаляется в пещеры и ставит перед собой задачу одержать максимально возможную победу в своем сердце над искаженностью человеческого духа, мыслей, чувств. Он удаляется от общения с людьми, чтобы целиком быть с Богом и в Боге. Какой в этом смысл? Громадный. Подумайте, ведь если в человеке дух горит, летит молитва к Богу за наш грешный мир, то, конечно, Бог эту молитву слышит и принимает, и люди получают Его помощь. Поэтому молитва одного праведника может иметь большее значение, чем деятельность великих армий и правительств.

Под сводами храма.

О многом вспомнилось в тенистом дворике храма Саввы Освященного в Лефкосии. Но пришло время зайти и под его высокие своды. Как и всюду на Кипре, в пространстве храма отчетливо слышно эхо веков. В этом году исполнилось 410 лет со дня первой реставрации храма. И на камнях эта дата выбита – 1608 год. Любуемся резным иконостасом, искусно расписанными колоннами. Узнаем, что церковь св. Саввы имеет особые драгоценные святыни: золотой потир 1506 года и Святой Крест, изготовленный искусным мастером в 1659 году. Приклоню колени пред иконой Саввы Освященного. Тихо шепчу слова молитвы: «Днесь во святем храме твоём, благоговейно предстояще пред святою иконою твоею и радостно совершающе пресветлую память твою, ублажаем тя заступника нашего. Почитающе же твое велие дерзновение пред Господом, смиренно молим тя, преблаженне приими милостивно от нас хвалебное пение сие, от любви и усердия тебе приносимое..»

Ну разве это не чудо: кажется, слова молитвы словно сложены именно для этого момента в моей жизни. «Сегодня в святом храме твоём благоговейно предстою пред твоею святою иконою...».

Преподобный отче наш Савва, моли Бога о нас!

Глава девятая.

Элефтерий – несущий освобождение.

Кладовая памяти.

В сокровищнице монастыря во имя иконы Богородицы Махериотиссы я побывала однажды. Это посещение было щедрым подарком, которым братия монастыря удостоила меня за работу скромную и ничем особенно не примечательную: перевод книги о монастыре на русский язык. Тогда игумен, приснопамятный архимандрит Арсений, благодаря «за труды и усердие» сказал: «Наш подарок будет необычным, отец Софроний сопроводит вас в нашу Сокровищницу. Только там у нас не алмазы и самоцветы, а что-то более ценное». О том, что в Махерасе есть специальное хранилище, где находятся уникальные ценности, я знал давно, но знала и то, что

Сокровищница - не музей. Редко, кого приглашают монахи осмотреть ее. За годы моего знакомства с монастырем я так и не осмелилась попросить разрешения спуститься в подземное царство, над которым время не властно. И вот по благословению игумена в сопровождении иеромонаха Софрония, мудрого книгочея и знающего историка, спускаемся в подземную кладовую памяти. За окованной железом дверью нас встречают подземные залы, облицованные тесаным камнем, который заготавливали монахи много столетий назад в восточных отрогах Троодосских гор. Идем в книгохранилище. Вдоль стен - большие старинные шкафы темного дерева, на полках – ряды древних фолиантов. Отец Софроний достает один из них, говорит: «Вот Устав преподобного Нила, написанный в 1201 году». Дыхание перехватывает, сердце бьется учащенно. 1201 год... еще не была разрушена татарами моя родная Рязань, только-только была основана Москва, еще не родился Александр Невский. В общем, историки меня поймут.

Заветы святого преподобного Нила.

Осторожно касаюсь взглядом манускрипта. А отец Софроний читает написанное. Чеканная греческая речь, полумрак хранилища, мы вне времени и вне пространства. А монах переводит, и я слышу послание из 1201 года: ***«Вседержитель Бог наказал хранить свободным и непорабощенным созданный нами от основания этот монастырь...Подчиняется он только Богу и Его Пречистой Матери».*** К этому моменту я, прожив несколько лет на Кипре, уже знала, что монастырь Махера (обитель расположена в восточных отрогах Троодосских гор Кипра) считается второй по значимости после монастыря Киккской Божьей Матери. Основан монастырь в двенадцатом веке попечительством византийского императора, защитника Кипра Мануила Комнина (1118 – 1180). Причем, средства были переданы двум посланцам Кипра - монахам Прокопию и Игнатию,- которые посетили Константинополь и были приняты самим императором. Ранее именно Игнатий вместе с отшельником Неофитом обнаружил в пещере чудотворную икону Богородицы, которая стала главной святыней монастыря. Игнатий стал игуменом основанного монастыря, а после его кончины настоятелем стал монах Нил, он и написал для монастыря общежительный Устав, который мне посчастливилось увидеть в Сокровищнице монастыря. Устав стал духовным компасом для братии обители. Насельники возрастали духовно на морально-нравственных устоях, заложенных устроителями монастыря. Махериоты всегда отстаивали чистоту православия, были мужественными борцами. Об этом подумалось в Сокровищнице, когда я касалась древних страниц манускрипта. Навсегда мне запомнился тот дивный миг, а еще слова иеромонаха монаха Софрония: -Преподобный Нил прозорливо писал не только о нашей обители, он и о кипрской судьбе.

Крест кипрской судьбы.

Надо знать хотя бы в общих чертах историю Кипра и Кипрской Православной церкви, чтобы понять слова иеромонаха. Святое слово «Свобода» в течение столетий иноземного ига пульсирует в крови Кипра. О свободе молились в течение долгих столетий, ее приближали невероятными жертвами. Годы владычества франков, венецианцев, турок, англичан наполнены борьбой. Она разная: духовная и кровопролитная, причем одно не исключает другого. Так, насельники монастыря монахи Геннадий и Герасим в 1231г. вместе с другими одиннадцатью сынами Кипрской Православной Церкви, были арестованы и провели три

года в заключении во время католического правления Лузиньянов на Кипре, перенеся страшные пытки и издевательства. Тринадцать мучеников были привязаны католиками к «позорным столбам» и заживо сожжены. Ныне их лики сияют на иконе «Тринадцати кантарских мучеников». В 1831 году другой подвижник иеромонах Иоанн был схвачен и несправедливо обвинен турками, а затем посажен на кол и умер в страшных муках. Увы, и сегодня свобода не озарила еще все кипрские берега. Стоят на севере острова иноземные войска, по-хозяйски расположившись на лучших землях. Сломаны кресты на православных храмах, осквернены христианские могилы. Только Бог поругаем не бывает. Киприоты это знали всегда.

О святом Элефтерии.

На страницах этой повести мы уже упоминали имя славного сына кипрского народа, архиепископа Киприана. Он – воспитанник монастыря Махера, а в этой главе мы посетим еще один храм в центре Лефкосии, еще один самоцвет в золотом венце столицы Кипра. Это храм святого Элефтерия, подворье (метохия) монастыря во имя Богородицы Махериотиссы. Архиепископ был ктиторм (созидателем) метохии. Мы напомним нашим читателям о святом Элефтерии. Православный энциклопедический словарь сообщает, что будущий святой родился в семье римского консула Евгения и его супруги Антии. Он получил образование у епископа Динамия. Будучи сначала рукоположен во диакона, а затем — во священника, в возрасте двадцати лет св. Элефтерий был хиротонисан во епископа папой Римским Аникетом и отправлен на служение в Эка (Аесае), что в Апулии. По возвращении в Рим он был арестован за то, что обратился ко Господу императорского служащего, и предстал перед судом императора Адриана. По приговору суда Элефтерий был до смерти забит палицами, а его мать Антия была обезглавлена. Позже подвижник был причислен к лику святых. Ему посвящены многочисленные храмы в Италии, а также знаменитый монастырь в Маелла. В Греции он почитается покровителем рожениц. Монахи Махера считают, что выбирая святого, во имя которого было решено построить метохию, будущий архиепископ Кипрской православной Церкви остановился на житии святого Элефтерия, вдохновленный его мужеством, преданностью Вере. Имя святого было созвучно чаяниям Киприана, ведь «Элефтерий» означает «несущий освобождение». Храм же строился тогда, когда народ острова страдал от порабощения, мечтал о свободе и стремился ее приблизить.

Архиепископ Киприан.

Храм был освящен в 1804 году, строился он на средства будущего Предстоятеля Кипрской Православной Церкви, тогда Управляющим делами Архиепископии Киприана. Незадолго до этого он вернулся из придунайских княжеств, где находился долгие годы, трудясь на благо родной обители, монастыря во имя иконы Богородицы Махериотиссы. Как оказался кипрский монах в столь далеких краях? Он родился в 1756 году в

пригороде Лефкосии Строволосе. В монастырь пришел в ранней юности, имея склонность к монашескому образу жизни. Кроме того, в монастыре подвизался его родной дядя, архимандрит Хараламбий. Годы второй половины XVIII века были исключительно тяжелыми для Кипрской Православной Церкви и ее чад. Налоги, которыми облагали турки жителей острова, включая и святые обители, росли как на дрожжах. Не имея возможности погасить задолженность, братия обращалась к турецкой администрации с просьбой об отсрочке платежей. Долги накапливались. Речь шла о физическом выживании. И это не фигура речи. Вот, что нам рассказали насельники кипрского монастыря св. Ираклидия о той поре: «Было так: все лето и осень монахи обители (в те годы монастырь св. Ираклидия был мужским) трудились не покладая рук на полях, в огородах, в садах. Вырастить урожай мало, надо его сохранить, заготовить соленья и варенья, ведь впереди долгие зимние месяцы. И вот как только монастырские запасники наполнялись, являлись турки. Причем, часто они грабили монастырь под видом разбойников. Похищали все, что можно. А потом ищи их свищи. Были случаи и убийства иноков (например, в монастыре свт. Николая в селении Орунда). Что же было делать монахам? Уходили иногда зимовать в деревни. Сельчане принимали бедолаг. А турки и рады сообщить наместнику султана: дескать, монахи забросили свой монастырь, и земли его теперь ничейные, а значит наши». Чтобы выплатить грабительские подати, монахи нередко отправлялись на сбор милостыни. Так, монахи монастыря св. Неофита посещали православную Россию, а вот монахи монастыря Богородицы Махериотиссы отправлялись в придунайские княжества. В то время были некоторые монастыри, которые турки освобождали от налогов. Выпускалось специальное распоряжение: фирман. К таким монастырям относился славный монастырь Киккос, монастырь Богородицы Хрисоройятиссы. И вот братия Махераса решает убедить турецкую администрацию, что монастырь Махера имеет царские привилегии еще с византийских времен, и поэтому должен был быть освобожденным от разорительных налогов. Подтвердить привилегии монастыря могли уважаемые люди, чей авторитет и туркам было бы сложно оспорить: Патриарх Константинопольский, господарь Валахии. Помочь родному монастырю был призван архимандрит Хараламбий. Он отправляется в дорогу вместе со своим любимым племянником Киприаном. Путь махериотов лежит в Придунайские княжества Валахию и Молдавию.

Валахия и валашане.

На землях придунайских княжеств провел наш герой Киприан, будущий предстоятель Кипрской Православной Церкви, долгие восемнадцать лет. Были они наполнены огромной работой, посвященной заботам и поисками источников помощи как для родной обители, так и для Отечества. Но позвольте несколько слов сказать о крае, где протекали восемнадцать лет жизни нашего героя.

История этой земли необычайно многолика, наполнена яркими драматичными событиями. В древности она называлась Дакией. Помнил край воинственных римлян, готов, гуннов. С готами здесь воевал император Константин Великий. Гуннов привел легендарный Атила. Славяне создали здесь свое княжество. Здесь правили византийцы и болгары, приходили

печенеги и венгры. В IX-X вв. христианство осветило берега Дуная. В борьбе против захватчиков складывалось независимое государство Валахия, основателем которого считается Басараб I. В самом конце четырнадцатого века произошло первое столкновение жителей Валахии с турками. Господарь Мирча Старый даже участвовал в крестовом походе против турок. Однако превосходящая сила турецких захватчиков и распри среди правящей верхушки валахан привели к подчинению Валахии Османской империи. Покоренное, но не сломленное, княжество вынуждено было выплачивать туркам ежегодную дань. Наши махериоты прибывают в Валахию в период особенно напряженный. В 1768 году во время Русско-турецкой войны (1768—1774) Валахия перешла под управление России, антитурецкие восстания участились. Условия Кючук-Кайнарджийского мира (1774) позволили России встать на защиту местного православного населения и тем самым снизить османские влияние. И все же Валахия и соседняя Молдавия оставались в дальнейшем вассалами Турецкой империи.

Кто же вы, фанариоты?

Однако, турецкий гнет был не столь тяжким, как на Кипре. Кроме того, господарями Валахии были фанариоты. Не уверена, что наши любознательные читатели знают, кого называли этим именем в Османской империи. Дело в том, что в европейской части Константинополя был район Фанар, который находился недалеко от резиденции Патриарха Константинопольского. Во время падения Константинополя часть греческих семейств, проживавших в этом престижном районе столицы Византийской империи, была помилована султаном. Он надеялся привлечь представителей элиты греческого общества на свою сторону и поставить себе на службу. Фанариоты, так стали называться выходцы из этого района, официально сотрудничали с турками, но тайно вынашивали планы реставрации Византийской империи путём постепенного вхождения в органы власти Османской империи. Как правило, фанариоты были прекрасно образованными, великолепно владели турецким языком. Турки назначали их драгоманами (чиновниками высокого ранга, осуществляющими административные функции в среде немусульман). В дальнейшем турки стали назначать фанариотов господарями княжеств Валахии и Молдавии. Причем турки не могли не понимать, что правление греков вызовет недовольство коренных жителей княжеств, но туркам того было и надо: принцип «разделяй и властвуй» хотя и был озвучен не в Османской империи, но находил здесь самое активное воплощение.

Дар Господаря и Булла Патриарха.

Когда наши махериоты прибыли в Валахию, ее правителем, господарем, был грек Михаил Суцос (на валашский манер его называли Суцу). Политика Суцоса была довольно гибкой, что, впрочем, не избавило его от преследований и унижений со стороны турок. Его три раза отстраняли от должности, наказывали, ссылали, в конце концов он бежал в Россию и умер в глубокой нищете. Но это будет позднее. А пока валашский господарь добился от султана постановления (фирмана), что отныне господа Валахии не будут смещаться, если не проявят признаков явного неповиновения султану. Первое правление Михаила Суцу в

Валахии протекало спокойно. Господарь занимался строительством новых школ и больниц. Положение народов Придунайских княжеств не было столь тяжелым, как положение киприотов. Михаил Суцус испытывал горячее сочувствие к представителям братского народа, посланцам далекого острова. Господарь специальным указом дарует ежегодную помощь киприотам. Она не столь велика, всего лишь сто пиастр. Но изнывающему под бременем турецких налогов монастырю каждая лепта была важна. Кроме того, Суцос подтверждает привилегии монастыря. Подтвердить привилегии кипрского монастыря смог и Патриарх Константинопольский. С его мнением турки все же считались. Тогда на троне был Патриарх Герасим III. Он был киприотом, поэтому историю монастыря знал хорошо. Именно к нему и обращаются махериоты. Благодаря усилиям архимандрита Харалампия и его племянника Киприана, Патриарх специальной Буллой (указом) в 1795 году подтверждает, что монастырь еще в старинные времена получил от императора Зенона особые права.

Возвращение.

В 1802 году Киприан, успешно исполнив миссию в Придунайском крае, возвращается на Кипр. Его новое послушание – служба на монастырском подворье недалеко от отчего дома, в пригороде Лефкосии Строволосе. Впоследствии он становится Управляющим делами Кипрской Архиепископии, а затем в 1810 году происходит его интронизация. Киприан становится предстоятелем апостольской Церкви, этнархом своего народа. Высокая честь, но и высочайшая ответственность. Связи с родным монастырем Архиепископ Киприан не теряет, заботится, чтобы монастырь и его братия имели все необходимое для выполнения своей главной миссии - Богослужебной. Для этого на подворье в Никосии строится церковь во имя святого Элефтерия. В эту церковь дарит архиепископ дарит иконы и церковную утварь.

Строволос, 190 лет спустя.

О том, что произошло в дальнейшем, мы подробно писали в первой главе этой повести «Богородица явленная» (стр. 7). На Кипре о трагических событиях 9 июля 1821 года знает и стар, и млад.

А моим российским читателям я советую прочитать поэму выдающегося кипрского поэта Василиса Михаилидиса, которая так и называется «9 июля 1821 года». Здесь же приведу небольшой отрывок из этой замечательной поэмы. В отрывке рассказывается о решении архиепископа разделить участь своего народа. Его преданный слуга, турок Кер-Оглу, хотел спасти Архиепископа, помочь ему бежать. Он обратился к Киприану со словами:

« Не медли, Киприане мой, вставай, пойдем со мною,
Стоит у дома моего карета наготове...
Коль хочешь смерти избежать, в карету эту сядешь,
Отправлю тайно я тебя с моим гаремом в Скалу,
А там убежище найдешь – посольства все открыты...»

Дело в том, что все иностранные представительства находились не в Никосии, где была резиденция Архиепископа, а в Ларнаке, в районе Скала.

Мужественный Киприан так ответил на это предложение:

« Я не уеду, Кер-Оглу, чтобы мое спасенье
Не обернулось для людей гибели причиной.
Я ли удавку затяну у родины на горле?
Пусть моя прольется кровь, а не моих собратьев».

Архиепископ Киприан принял мученическую смерть вместе с 470 киприотами, священниками и мирянами. Расправа продолжалась с девятого по четырнадцатое июля 1821 года. Через сто девяносто лет в Строволосе состоялся мемориальный вечер, посвященный архиепископу Киприану. Мне посчастливилось присутствовать на этом памятном событии. Большой концертный зал был переполнен. Публика была особенная: загоревшие обветренные лица, натруженные руки, - выдавали простой люд. Да только не кичиться нарядами пришли сюда соотечественники Киприана. Они пришли в этот нарядный зал, чтобы отдать дань памяти своему приснопамятному Архиерею, мученику и герою. Монахи монастыря Махера проникновенно пели византийские гимны, дети читали строки поэмы Михаилидиса:

«Ведь сколько существует мир, и греки существуют,
Нет никого, кто смог бы их вовеки уничтожить,
Никто не может погубить народ, хранимый Богом!»
Я слушала строки и думала об архиепископе Киприане: « Мученическая кончина, но какая же счастливая судьба!» А разве так бывает? Убеждена, если жизнь отдана за свободу родины, только так и бывает.

Под покровом Махериотиссы.

Работая над повестью, я несколько раз побывала в восточных отрогах Троодосских гор, в монастыре Богородицы Махериотиссы. Братия монастыря рассказывали, что чудотворная Махериотисса - одна из семидесяти икон, написанных св. апостолом и евангелистом Лукой. По преданию, икона находилась во Влахернском храме столицы Византии и была помещена над Богородичным облачением. Это доказывает надпись на иконе: «Агиосоритисса», что означает «находящаяся над святыней». В период иконоборчества (восьмой-девятый вв.) образ попадает из Константинополя через Малую Азию на Кипр.

В каждый свой приезд шла я в первую очередь в главный храм монастыря, чтобы молитвенно поблагодарить Богородицу у Ее чудотворной иконы. Всегда подле святыни душу охватывает волнение, радость, умиление. Словами эти чувства не передать. И вот однажды в церковном полумраке слева от входа заметила я новый образ. Приблизилась и увидела лик архиепископа Киприана. Икона? Портрет? Знаю, что клику святых архиепископ Киприан пока еще не причислен. Сомнения разрешил старенький монах, который нес

послушание в храме. Заметив мое смущение, он тихонько сказал: «Господь своих святых знает, а для нас он воистину святой, он здесь, незримо присутствует в нашей обители». Славен Бог во святых своих!

Глава десятая.

Зов свободы.

« С этой горы я могу видеть эту страну и этот народ, который я так любил»

(Надпись на камне над усыпальницей первого президента свободного Кипра этнарха Макариоса на горной вершине Трони).

Мы завершаем наше паломничество, знакомство с золотым венцом Лефкосии. И вновь я приглашаю моих любознательных и терпеливых читателей подойти к храму Богородицы Явленной (Фанеромени). Мы побывали здесь в самом начале нашего путешествия. И завершить мой рассказ о святынях Лефкосии мне хочется тоже здесь, рассказав о человеке, для которого этот город был дорогим и любимым. С Лефкосией были связаны важнейшие моменты жизни нашего героя, его служения и подвига. Были эти моменты ключевыми и в истории кипрского народа, ведь герой этого рассказа - президент республики Кипр и Предстоятель Кипрской Православной Церкви Архиепископ Макариос III. А здесь у храма Богородицы Явленной он вместе со своим народом пережил судьбоносный момент своего служения и истории Кипра. Покидая Лефкосию, задержимся у храма Фанеромени, произнесем слово благодарности и памяти о великом сыне кипрского народа.

Цена мгновений.

28 августа 1954 года у стен древнего храма Явления Богородицы (Фанеромени) собрались на молитву десятки тысяч греков-киприотов. Собравшиеся с нетерпением ожидали выступление архиепископа Макариоса III, Этнарха, т.е. духовного лидера народа.

Жизнь каждого из нас соткана из мгновений, тех маленьких временных пространств, которые мы наполняем своими делами, мечтами, молитвами, взлетами и падениями. Однажды русскому поэту было дано почувствовать, и в чеканных строках передать высокий смысл краткого мига: «Не думай о минутах свысока...Мгновенья раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие». В жизни каждого человека бывают мгновения, которые решают его судьбу. Но эти мгновения решали не только судьбу архиепископа, здесь и сейчас решалась судьба нации, судьба страны, которую он любил больше жизни. Он вышел к своему народу, чтобы у стен храма, который вмещал драгоценную икону, благословить свой народ на путь, полный крестных мук, на путь обретения свободы. Он верил, что здесь, у могил

мучеников 1821 года, на него требовательно глядят не только тысячи собравшихся соотечественников, но и поколения киприотов, которые этой свободы не дождались. Краткие мгновения отделяли его от начала судьбоносного выступления.

Панайя и Панагия Киккотисса.

Вся жизнь промелькнула перед мысленным взором архиепископа. Вот он, маленький Михалик Мускус, бежит весело и беззаботно по залитым солнцем улочкам родной деревушки с поэтичным названием Панайя, что значит Всесвятая, это одно из имен Богородицы. Сердце звенело от счастья, и ничего не было прекраснее голубых пафосских далей, и ничего не было вкуснее кусочка теплого хлеба из натруженных маминых рук. Но все закончилось одним черным днем, когда мамы не стало. И стоял черноглазый подросток Михалис на подворье Киккского монастыря, где ждала мальчика из Панайи самая главная встреча в его жизни. О таких событиях сказал любимый старец русского народа архимандрит Кирилл (Павлов): «Люди, которые рано лишились родной матери, вынуждены бедствовать и скорбеть, испытывать тяжкую долю в своей жизни. Но, дорогие, церковь ныне во всеуслышание говорить, что нет, не было и не будет у Бога сирот! Все живущие на земле имеют мать: дорогую, святую крепко любящую и нежно заботливую - эта мать, Царица Небесная». Здесь, подле Киккской чудотворной иконы проходило отрочество Михалиса, среди мудрых старцев, в стенах, которые видели столько событий в многострадальной истории Кипра. Когда пришло осознание, что Кипр порабощен? Об этом говорили учителя и священники. Но особенно остро чувствовал Михалис несвободу родной страны, когда братия монастыря направила его во Всекипрскую Гимназию. Каждый день, когда он входил в ее стены, видел мысленным взором ее создателя, архиепископа Кипрской православной церкви святого Киприана, который был повешен турецкими поработителями в 1821 году. Более ста лет прошло с той поры, а любимая Родина по-прежнему под ярмом. По окончании гимназии будущему архиепископу доверили возглавить монастырскую школу. Как человек, занимающийся проблемами народного образования, с негодованием встретил Мускус решение колониальных властей о запрете изучать родной греческий язык в элементарных (начальных) школах Кипра. Размышления сводились к одному: «Свобода - Божий дар. Человек создан Господом свободным». Этим билось сердце, жила душа. А между тем шли годы, годы духовного становления, мужания. В августе 1938 года Михалис Мускус был рукоположен во диаконы, получил имя Макариоса, в честь великого подвижника церкви. Милость Царицы Небесной простиралась над молодым диаконом. Кипрская православная церковь посылает своего сына на учебу в Грецию. Там, на берегах Эллады, изучал будущий архиепископ богословие и юриспруденцию (все это потом очень пригодится первому президенту свободного Кипра). Диякон Макариос начал и свое пастырское служение в храме святой Ирины в Афинах. А в 1946 году его, как стипендиата Всемирного совета церквей, направляют на учебу в Бостонский университет, где он изучает богословие и социологию. Учеба расширяла кругозор, давала глубокие знания. Все это было помножено на фантастическое трудолюбие и на яркий талант проповедника, оратора, философа и психолога. Он стал одним из самых образованных людей своего времени. Но, во истину, «во многоей мудрости много печали». Чем более расширялся горизонт знаний, тем острее была

боль за Патриду, поработленную Родину, униженную и обманутую. Оставаться колонией в середине XX века, после такого горячего и искреннего отклика на призыв Великобритании участвовать в борьбе с ненавистным фашизмом - было невыносимо. А после лживых обещаний колонизаторов смириться –значит, остаться на коленях, забыть, что греки-киприоты - наследники величайшей культуры, которая стала колыбелью европейской цивилизации И душа все годы, которые провел он вдали от Родины, жила мечтою о свободе для Отчизны, горячими молитвами за нее пред иконой Милостивой Киккской Богоматери , с образом которой он не расставался никогда.

В 1948 году на Кипр вернулся не только блестящий богослов и проповедник, но патриот с задатками незаурядного политика.

Плебисцит.

И далее тысячи дней-песчинок слились, чтоб ярче высветился день, когда стал Макариус Мускус епископом Китийским. Этот период жизни был наполнен радостью и унижением. Велика честь стать наследником святого Лазаря, но горько осознание того, что никогда добровольно Англия не предоставит независимость его народу. Властители уже не скрывали этого. И тогда киприоты по призыву Матери - церкви решили провести всенародный референдум по вопросу присоединения Кипра к Греции. Британский наместник Эндрю Райт писал: «Реакция правительства Ее Величества на этот предмет, как мы уже ни раз повторяли, следующая: вопрос об эносисе закрыт». «Этот предмет» для митрополита Китийского был делом жизни. Он обращается к согражданам с призывом принять активное участие в плебисците. 8 декабря 1950 года во всех церквях Кипра читали послание Архиепископа. В нем говорилось, что свобода была дана человеку Богом и властители признают право подданных на самоопределение только после упорной борьбы. Заканчивалось послание словами: «Справедливый Бог – опора нашей борьбы. Да здравствует эносис!» 15 января 1950 года плебисцит прошел с удивительным единодушием. Люди приходили к храмам воодушевленные. 95,7% греческого населения Кипра проголосовало за присоединение к Греции, а 20 октября 1950 года епископ Китийский Макариос стал главою Кипрской Православной церкви.

Клятва в Афинах.

Взять в руки оружие и бороться за свободу Родины, если исчерпаны все другие возможности? Этот вопрос не простой для любого национального лидера, который взвешенно подходит к ответу на него, понимая, что за решением такой задачи стоят судьбы соотечественников. Их жизни будут брошены в горнило борьбы, а в ней будет пролита кровь. Бремя духовного лидера, благословляющего такую борьбу, вдвойне тяжело. Мудрый православный архиерей, он провидел эти жертвы, смерти, слезы сирот и вдов. Он знал, что будет смотреть своему народу в глаза, отвечая за все, если сам останется жив. Когда в марте 1953 года в Афинах он читал слова Клятвы, каждое слово рождало отклик в сердце. «Я клянусь именем Святой Единосущной и Нераздельной Троицы хранить тайну, готов отдать мою жизнь, перенести самые тяжелые муки». Не светлый ли лик Св. Киприана видел в тот

момент архиепископ Макариос III, когда ставил свою подпись вместе с другими 11 членами комитета, организованного с целью добиться объединения Кипра и Греции вооруженным путем?! Свою подпись под клятвой поставили полковник греческой армии в запасе Георгий Гривас, профессор богословского факультета Афинского Университета Герасим Канидарис и другие патриоты. В будущей борьбе Архиепископ становился духовным и политическим лидером, а Георгий Гривас военным организатором, он имел богатый военный и организационный опыт, будучи профессионалом (в тот момент Гривас – профессор тактики в военной Афинской Академии). Подписи были поставлены, выбор был сделан...

На молении у храма Фанеромени...

Мгновения молчания истекли, людское море затихло, когда Этнарх возвысил свой голос. То был голос совести кипрского народа, его устами говорили поколения жителей маленькой страны, которые однажды в 12 веке волею судьбы были отрезаны от отчизны и стали порабощенным народом. Они истосковались по свободе, они готовы были ее завоевать. Его первые слова были молитвой, горячей и вдохновенной, а из молитвы выросло слово «борьба», словно алый цветок всходил из семени, обещая дать свой сладкий плод. При словах пламенной проповеди тысячи людей встали на колени и, обратившись в молитве ко Господу и Пресвятой Богородице, они просили помощи для обретения свободы. Кадры кинохроники сохранили этот миг, звездный миг в многовековой истории Кипра. Вновь и вновь мысленно вглядываюсь в лица людей, молящихся со своим Этнархом. Что будет дальше с ними, как сложатся их судьбы? Многие погибнут в горниле борьбы, другие проведут тяжкие дни, месяцы, годы в английских концентрационных лагерях. Архиепископа ждут тяжелые, мучительные и безрезультатные переговоры с колонизаторами, арест и ссылка за тридевять земель на Сейшельские острова, триумфальное возвращение, избрание первым президентом свободного Кипра в 1960 году и трагедия года 1974. Все это впереди, а сейчас он стоит среди своего народа, который он так любит, и благословляет его на подвиг. Высокое мгновение судьбы человека и судьбы страны, которая готовилась принести на алтарь свободы жизни своих сыновей.

Зыкова Наталия Владимировна

Наталия Зыкова (1952 года рождения) - православный русский историк и педагог. В 1975 г. окончила Рязанский государственный педагогический институт, факультет истории и английского языка. Вела педагогическую работу в учебных заведениях г.Москвы. В 1980-1985 г.г. являлась служащей Советской Армии, заведовала библиотекой воинской части в г. Борзя Читинской обл., по месту службы супруга - офицера Вооруженных сил Зыкова Валерия. Вела культурно-просветительскую работу среди военнослужащих и членов их семей. Неоднократно была поощрена командованием. В 1993 году окончила Лондонскую лингвистическую школу (Language Link), в 1995-1997 г.г. училась в аспирантуре Государственного колледжа «State college of New-Jersey» (кипрское отделение). С того времени живет на Кипре. Защитила магистерскую диссертацию по истории древнего Кипра, училась в докторантуре английского университета города Бат (Bath University), работая над темой «Кипрская Православная Церковь и народное образование в годы иностранного владычества». Под духовным руководством братии известных кипрских монастырей Киккского, Махера и Ставровуни начала изучать богословие в 2000 г., окончила курс «Основы православной культуры» при Московском Патриархате. На Кипре Н. Зыкова ведет активную общественную работу, являясь членом Координационного совета Российских соотечественников Кипра. Она продолжает преподавательскую деятельность в ряде учебных заведений страны: преподает всеобщую историю в ливанском колледже «Грин Хилл», Закон Божий в воскресной школе при храме св. Лазаря в г. Ларнака, ведет авторский курс «Азы православия» в школе при Посольстве России, Основы православной культуры в русскоязычных школах Кипра и Духовно-культурном центре во имя св. Иоанна Милостивого. В 1997 году Наталия и Валерий Зыковы, а также члены их семьи (супруги вырастили троих детей), создали на Кипре Русский православный образовательный центр - благотворительную общественную организацию. Центр в тесном сотрудничестве с посольствами России и Украины в Республике Кипр, Кипрской Православной Церковью при духовной поддержке Русской Православной Церкви ведет просветительскую работу среди русскоязычного сообщества Кипра, организуя православные семинары, конференции, фестивали, паломничества по Святой кипрской земле. Работа Зыковой была отмечена Кипрской Православной Церковью памятной медалью святого Лазаря. Она активно трудится на ниве православной журналистики, сотрудничая как с русскоязычными СМИ Кипра, так и с рядом православных периодических изданий в России и др. странах. Важнейшим направлением деятельности Н.Зыковой является литературная работа. Ее книги посвящены истории Кипра и Кипрской Православной Церкви, духовным контактам между братскими народами Кипра и России, проблемам культуры. В 2012 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл наградил писательницу орденом святой преподобной Евфросинии Великой княгини Московской во внимание к трудам на благо Русской Православной Церкви. Наталия Зыкова вместе с супругом была награждена медалью святых Петра и Февронии – «За любовь и верность». В 2016 году Верховный Атаман Союза казаков России полковник Задорожный П.Ф. наградил Зыкову Н.В. медалью «Алексий Человек Божий» за вклад в укрепление духовных связей между народами России и Кипра и за просветительскую работу среди молодежи, направленную на изучение истории казачества. В 2017 году награждена Почетной Грамотой правительства г. Москвы за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

Библиография.

- Chotzakoglou C. Church of Saint Lazarus in Larnaca. Nicosia, 2004
Georgiadis C. History of Cyprus. Nicosia, 2004
Gregoriou V. A guide to st. John's Cathedral. Nicosia, 2000
der Parthog G. Byzantine and medieval Cyprus. Nicosia, 1995
Rizopoulou-Egumenidou E. The house of the Dragoman of Cyprus Hadjigeorgakis Kornesios Nicosia. 1991
Близнюк С. Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. СПб, 2014
Воскобойников В. Энциклопедический православный словарь. М., 2005
Старый город Никосия. Паломнический путеводитель под ред. епископа Месаорийского Григория. Никосия, 2008
Зыкова Н. Друг Христа и его кипрская обитель. Ларнака 2018
Иаоннидис К. Кипрская Церковь: 2000 лет истории и культуры. Никосия,
Издания монастыря Махера «Святой царский ставропигиальный монастырь Махера», 2014
Кипр – остров святых Издание Кипрской туристической организации. Никосия, 2008
Суворова Л. Церковный год М., 2000
Хефер Ханс «окно в мир. Кипр». М., 1996

Список иллюстраций.

Герб Никосии	3
Турецкий султан	4
Мавзолей у храма Фанеромени	4
Икона ап. Иоанна Богослова	9
Двойная икона Богородицы их храма Фанеромени	18
Елена Палеолог с дочерьми	19
Икона св. Антония Великого	24
Экспозиция Музея Византийского искусства	29
Икона св. Кассиана	33
Портрет папы Урбана V	35
Портрет Ги де Лузиньяна	36
Храм архангела Михаила Трипиотиса в Никосии	39
Икона Чудо в Хонех	40
Портрет Российского императора Петра I	42
Икона св. Саввы Освященного	46
Капподокия (совр. фото)	47
Икона св. Евфимия Великого	49
Икона свт. Саввы сербского	50
Монастырь во имя Богородицы Махериотиссы (совр. фото)	53
Икона св. Элефтерия	54
Портрет архиепископа Киприана	56
Портрет архиепископа Макариоса III	59

Оглавление

Глава первая

<i>Одигитрия Явленная</i>	<i>3</i>
---------------------------------	----------

Глава вторая

<i>Обитель апостола любви</i>	<i>9</i>
-------------------------------------	----------

Глава третья

<i>Дар православной королевы</i>	<i>18</i>
--	-----------

Глава четвертая

<i>Храм Антония Великого: русское эхо</i>	<i>24</i>
---	-----------

Глава пятая

<i>Икона в пространстве музея</i>	<i>29</i>
---	-----------

Глава шестая

<i>Шлем святого Кассиана</i>	<i>33</i>
------------------------------------	-----------

Глава седьмая

<i>1695 год: время чудес, борьбы и надежд</i>	<i>40</i>
---	-----------

Глава восьмая

<i>День Саввы Освященного</i>	<i>46</i>
-------------------------------------	-----------

Глава девятая

<i>Элефтерий – несущий освобождение</i>	<i>51</i>
---	-----------

Глава десятая

<i>Зов свободы</i>	<i>58</i>
--------------------------	-----------

<i>Об авторе.....</i>	<i>62</i>
-----------------------	-----------

<i>Библиография.....</i>	<i>63</i>
--------------------------	-----------

Издательство Русского православного образовательного центра на Кипре предлагает вниманию читателей новую книгу кипрской писательницы русского происхождения Натальи Зыковой «Золотой венец Лефкосии». Это документальная повесть, посвященная древним православным святыням столицы Кипра. Повесть написана на основании исследований кипрских и европейских ученых, архивных документов Кипрской Православной Церкви.

Издательство Русского православного образовательного центра

Кипр

Ларнака

2018